

**ИИСУС
НА РУССКОЙ
РАВНИНЕ
ИЛИ**

**МАКСИМ
ЯКОВЛЕВ**

ИРРАЦИО

Максим Яковлев

**Иисус на Русской
равнине, или Иррацио**

«Пробел-2000»

2023

УДК 821.161.1-1 Яковлев
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

Яковлев М.

Иисус на Русской равнине, или Иррацио / М. Яковлев —
«Пробел-2000», 2023

ISBN 978-5-98604-887-1

Россия наших дней. В сельской глубинке появляется Иисус Христос. Его принимают за шутника, но скоро выясняется, что это не так. Он говорит: «Я пришёл спасти русскую душу». Местная власть в страхе перед Кремлём (идёт президентская кампания!) решает устранить «самозванца». Патриарх посылает своего агента, выяснить, что или кто стоит за этим явлением. Но планы Кремля и церковной власти срываются. Между тем, в народе происходят явные перемены. Люди узнают о себе и о России горькую, но целебную правду, она помогает выбрать единственно верный путь...

УДК 821.161.1-1 Яковлев
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-98604-887-1

© Яковлев М., 2023
© Пробел-2000, 2023

Содержание

Баня	6
Бульдозер	44
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Максим Яковлев

Иисус на Русской равнине, или Иррацио

Христос посреди нас. И есть и будет!
Православное приветствие

Просто нам завещана от Бога русская дорога...
Игорь Растеряев

© Яковлев М., текст, 2023

© «Пробел-2000», 2023

Баня

Петухи ещё не пели.

В прозрачной осенней мгле видно лишь в прорехе тучи, что покрыла неба лик, узкую полоску на востоке с влажной искоркой звезды. Вот из массы этой тучи что-то плавно отделилось, приближалось, нарастало... обозначилось лицо бородатого человека, – скоро весь он отделился, всей фигурой проступая из рассветной полутьмы; он шагал враскачку, ходко, по ухабам земляным: в вязаной округлой шапке, с блеском глаз из-под бровей, – то ли в полушубке, то ли в куртке...

Он прошёл, переступая лужи, озарённые слегка, краем поля индевелого, обходя деревню Голофеево, мимо хутора Сороки, на подходе к селу Галелеево...

* * *

В старом доме за столом выпивали двое; свет уже стоял в окне, и где-то неподалёку монотонно долбили в колокол: день воскресный.

Разговор вялый.

– Ночью не спал почти, – Фёдор, младший Опушкин, икнул и выругался.

Пили каждый сам по себе, не чокаясь.

– Почечуй, почечуюшки... – зевнул перегаром Василий, Опушкин-старший, хозяин дома.

– Третий день сплю хреново, не могу... – вздохнул младший.

– Сало старое, не жуётся... надо было консерву... – ворчал старшой.

– Слышь меня, Почечуй? Хреново!..

– Чо орёшь! Бабу разбудишь, она тебе... мухой вылетишь, прям тут же! – махнул головой на выход Василий-Почечуй.

– Как-будто воеет кто во мне. Глаза закрою – воеет, открою – вроде не воеет...

– Допиваем, и по углам, а то Фура придёт, тогда мы оба завоём, – отрезал старший.

«Фурой» называл он Фросю, свою жену.

– Назара нет и поговорить не с кем!.. – осушил стопку Фёдор.

В сенях раздалися шаги...

– Фура! Бутылку прячь! – просипел Василий-Почечуй. – Дай сюда её!..

Стукнули два раза в дверь и толкнули протяжно. Вошёл человек в зимней куртке, в армейских берцах; окинул взглядом.

– Всё пьёте, голуби, – снял шапочку. – Не признали?

– Кто ты? – Почечуй разинул рот, как-то не вязалось с реальностью...

– Ты чего? Ты откуда?! – вспугнулся младший Опушкин.

Пришедший стоял, молчал.

– Ты кто?! – крикнули вместе Опушкины человеку.

– Кто я... – сказал он тихо.

За окном всё звонили, и косил серый дождь.

С матюгами долетел женский голос: «... козлы! паразиты!..» – из второй половины дома ввалилась хозяйка.

– Чего разорались, придурки? – заглянула под стол. – Где бутылка? Ну, быстро!..

– А нету! – показал ей руки мужик её.

– Ведь, знаю, пили, – она шарила шумно вокруг, но всё безуспешно. – Где она? паразитские ваши рожи!

- Ты не нашла. Уговор!.. – напомнил ей Опушкин-старший.
– В следующий раз найду, убью! – пообещала ему.
– Не нашла, не нашла!.. – ликовал Почечуй.
Между ними был договор: не найдёт бутылку, значит, не было.
Фура разогнулась в досаде, переключилась на брата мужа:
– Что сидишь, как ужаленный в задницу?
Фёдор Опушкин не сводил взгляда с пришедшего.
И Фура уставилась на него же.
– Это что ещё за хрен с горы?..
– Сам пришёл, а кто – не знаем, – развёл руками Почечуй.
– Ты кто? – подошла к человеку, но ей не ответили. – Нет, ты глянь, стоит, как пень и язык проглотил. – Эй, дядя, кто ты?
Ну, скажи! – взмолился младший Опушкин.
Как раз затих колокол за окном.
– Я Иисус Христос, – сказал человек.
И ничто не дрогнуло, не стряслось, не упало даже; где-то за печкой ширкали мыши...
– Чего, чего? – надвинулась на него хозяйка. – Какой ещё Иисус?..
– Христос, не видишь, что ль, – подначил Опушкин-старший.
– Я знаю, я знаю его! – вскочил Фёдор Опушкин, сияя от счастья. – Это же Назар! Это он!..
Человек посмотрел на него.
– И вправду Назар! А я и не признал сразу с бородой-то! Христос! во артист! – заржал Василий, его распирало от удовольствия: ему, известному хохмачу, показать мужикам эту сцену – все со смеху лягут!..
– Я и смотрю, знакомое что-то, – произнесла хозяйка тоном не обещавшим ничего хорошего.
Она в упор разглядывала пришедшего.
– Волоснёй зарос и святым прикидывается... – теперь ей было на ком отыгаться за облом с бутылкой. – Иисус, говоришь, а не ты ль избу свою пропил, пьянь подзаборная? Что уставился на меня, или, думаешь, явился, скосил под Иисуса, так тебе все обрадуются? Тебе, может, и стол накрыть, дорогому гостю, который три года шлялся неизвестно где, и вот нате вам – подарочек, пляшите вокруг него?..
– Да он просто так зашёл! Он просто навесить, поздороваться и всё, скажи, Назар!.. – младший Опушкин пытался спасти ситуацию:
Но не спасалось, хозяйку несло безудержу.
– Ты чего припёрся сюда? По дружкам-собутельникам стосковался своим? Тебе, может, и водочки поднести? Налить что ль стопарик, Иисус Христос?
Василий аж крякнул от восхищения.
– Говорю вам, приблизилось время жатвы, – сказал человек, – покайтесь, пока не поздно.
– Ах, вот, значит, как... Решил поиздеваться? – она как будто ждала от него чего-то подобного. – Ну-ка, вон отсюда! Пошёл вон, говорю, понял меня? Давай, давай, – толкнула его в плечо.
Но пришедший не двинулся.
– Не хочешь? Ничего, сейчас захочешь, ещё как захочешь!..
Она выбежала с матюгами в соседнюю кухню, загремела там сковородками...
– Я тебе, дрянь, покаюсь... я тебе так покаюсь!.. Я тебя урою сейчас, святошу поганого!.. Почечуй привстал, он-то знал свою бабу; всполошился и младший; кричали наперебой:
– Прибьёт, тикай! Как пить дать, прибьёт! Пошутили, и хватит, потом увидимся, беги!..
– Назар беги, ну, пожалуйста! Ты ж её знаешь, она такая!..

Человек поднял голову и вздохнул.

Она ринулась на него точно цунами с поднятой могучей сковородой.

Раздался грохот: хозяйка запнулась о подвернувшегося не весть откуда котёнка, и упала на пол, но упала так, что сковорода, выроненная из рук, со всего маху всем своим чугунным естеством, шибанула её по темечку, и отправила в тишину.

Трое стояли, одна лежала. Котёнок благополучно скрылся под шкафом.

Василий подошёл, наклонился над грудой тела:

– Сама себя вырубил! Полный почечуй!..

– Я пришёл позвать тебя, Фёдор. Пойдёшь со мной, – сказал человек.

– Я пойду, Назар! – младший Опушкин не раздумывал ни секунды, словно давно готовился к этому. – Вещи собрать?

– Если можешь, не называй меня этим именем, – сказал человек. – Бери только необходимое.

– Куда это вы? – Василий отвлёкся от реанимации не чужого по жизни тела.

– Мне всё равно куда. А с ним я пойду, – Фёдор достал из печного закутка подсушенную пачку «Примы», сунул в карман вместе со спичечным коробком. – Назар... то есть... давай я пока Назаром буду тебя?.. Я хочу книгу взять, почитать, когда делать нечего, и в дороге тоже, – Фёдор бегал с сумкой из комнаты в комнату... – У меня их тут, знаешь, сколько не читанных, ребята принесли, подобрали на остановке: кто-то две стопки выбросил, а я как раз хотел Лукьяненко, там все «Дозоры» его...

– Евангелие есть у тебя? Возьми, – сказал человек, помогая Василию приподнять туловище хозяйки и привалить к печке.

– Есть! – кивнул удивлённо Фёдор. – Бабуля оставила перед смертью, не Ваське, а почему-то мне, даже сказала что-то, не помню уже...

Он кинулся к тумбе у двери, внутри которой набросаны в беспорядке потёртые глянцевые журналы, рекламные буклеты, старые календари, несколько толстых и тонких книг, газетные вырезки, кухонные рецепты, счета на оплату за свет и газ, пожелтевшие квитанции, инструкции к сотовым телефонам, швейной машинке и телевизору...

Хозяйка издала стон, сначала слабый, потом покрепче, потом с протяжным забористым матюжком...

– В себя приходит, – прокомментировал Василий не без сочувствия. – Уматывайте отсюда, пока не очухалась.

– Нашёл! – Фёдор держал в руках небольшого формата Библию в потёртом кожаном переплёте.

Человек, так неожиданно свалившийся невесть откуда, вышел с Фёдором в сени или в «переднюю», как её называли, надел на голову шапочку.

Фёдор зашнуровывал выдавшие виды ботинки:

– Они на толстой подошве, прошитые, не хуже твоих берцов. Назар, а это далеко?

– Не очень. Я просил не называть меня так.

– А ночевать будем где?

– Заночуем здесь, в Галелееве.

– У кого?

– Старая баня стоит ещё?

– Стоит, я в ней мылся на днях.

– Ну, пошли тогда, – человек осенил себя крестным знаменем и шагнул за порог.

* * *

Человек, которого Фёдор принимал за Назара, действительно очень походил на него и лицом и размером, можно даже сказать, что будь он по настоящему тот самый Назар, то о нём, – по-крайней мере, до того момента трёхлетней давности, когда он исчез бесследно из родного села, – было бы известно следующее.

Полное имя его – то, что значилось в паспорте, выданном в две тысячи втором году, взамен советского – Назар Васильевич Янин. Уроженец уже упомянутого Галелеево.

Отца его никто не видел.

Мать, Ульяна Петровна, осиротевшая в детстве, окончив библиотечный техникум в Добринске, ближайшем районе центре, уехала на Дальний Восток к родне, там в новогоднюю ночь познакомилась с Василием, там же и замуж вышла в свои неполные двадцать. Но вернулась одна и родила сына здесь, в доме галелеевского деда по матери, где и жила в отведённой ей лучшей комнате, где и воспитывала, в одиночку, без баловства, ребёнка – по мере лет – кроху, мальчика, подростка, об отце которого, даже ни полсловечка, ничегошеньки не открыла ни подружкам, ни бабам, ни бабкам, что и сподвигло всех равнодушных галелеян, обстоятельно перетерев меж собой все мыслимые догадки, по-житейски приговорить: «как пить дать, бросил её, уж больно бабёнка мудрёна да норовиста, но, скорее всего, сама ушла». На том и закрыли тему.

Назар, учившийся не хуже среднего, перемахивая из класса в класс, как через штакетник в соседский сад, доскакал до восьмого класса сельской школы, и в тот же год остался сиротой, без матери...

Ульяну нашли на обочине дороги под одиноким вязом, – как бы присела отдохнуть, обращённая угасающим взглядом, к родному двору. «Скорая помощь» подоспела, чтобы констатировать остановку сердца у тридцатипятилетней кассирши с железнодорожной станции «Добринское», – судя по всему, устала дожидаться непредсказуемой, как снег, маршрутки, и решила идти пешком до дома, всего-то с пяток километров проторенной тропкой через рошу, потом овсяным полем, да по бережку тенистой Ворши... И не дошла. В сумке её лежали пачка вермишели и два пакетика конфет «Лимонная» и «Барбарис».

(Отчего и зачем вдруг встало и не бьётся теперь – ни о сыне, ни о хвором деде, ни о заботах в доме и по работе, ни о большом и малом, ни о себе – далеко не изношенное сердце женщины, об этом не знает никто, кроме Того, Кто имеет право запускать и останавливать человеческие сердца, прекращая биение временного ради вечного...)

Тимофей, дед Ульяны, он же прадед Назара, успел до своей кончины справиться инсультом; успел заставить ершистого неслуха правнука, обуянного одним футболом-хоккеем, закончить сельскохозяйственное училище; успел проститься за смешную цену со своей «Победой» (нужны были деньги на одежду-обувку парню), и получить к юбилею Великой Победы новые «Жигули» седьмой модели – подарок ветерану войны по разнарядке от районной администрации, доставшийся моментально во владение любимому правнуку; успел насадить новый сад взамен почти векового прежнего; успел обновить венцы старой бани, завещав её всем, кто люб и дорог его Назару, коего успел до этого проводить и встретить из армии... хотел обнести новой оградой могилки своих детей и внучки Ульяны, да не успел, – сам же и лёг в ней, сработанной уже руками Назара, – и почил от тягости лет и нескончаемых дел под деревянным простым крестом с надписью, что в последний свой Великий пост измыслил себе, говея: «Господи, прости за всё Твоего Тимофея».

Назар, оказавшись единственным в прадедовском доме хозяином, ночами долго не мог привыкнуть к постуку ветки в оконце, к скрипу двери из комнаты в сени от летнего сквозняка,

вскакивал, окликал «дедуню» и «маму», – будто бы это они где-то рядом ходят... Странно, раньше он никогда не пробуждался от этих звуков.

Работал не хуже других в агрофирме, то есть, в бывшем деревенском колхозе механиком, комбайнёром; подумывал было жениться, благо нашлось на ком, да вмешался случай, который всё раскидал, как ветер из тучи раскидывает скирду...

* * *

Был он привержен одной причуде, – ещё с малолетства по несколько раз в году уходил на ночёвку в лес. Всегда в одиночку, и непременно в стылую сквозную осень, но и в глубокую зимнюю темь, и в летнюю лунную полночь, и в весенний призрачный сумрак не упускал он такой возможности. Вот и в тот злополучный год, – только-только отгудела весенняя вспашка, – он ушёл со спальником в лес. Старая сохлая слежавшаяся, как космы, трава не истлела ещё под зелёной новью, но почки уже раскрыли рты в истомлённом бездвижном воздухе...

Всё, словно ждало беды.

Назар устроился под хвойным пологом шатровой ели. Сухая тьма; сухое небо с колючим блеском звёзд; в объёмлющей ночной тиши неясный шорох, или чуть слышный треск под чьим-то осторожным шагом... Что его влекло? Закалка воли? Заряд адреналина в кровь? Зов диких предков, или игра с неведомым? А, может, просто хорошо спалось ему?..

Проснулся от густого дыма. Лес горел. Дымилось небо от пылавших крон, и напозлали снизу угарные туманы от тлеющих, сжираемых пожаром прошлогодних трав, листья, и сухо-стоя... Назар бежал, оставив спальник, огонь хватал со всех сторон, бежал стремглав, и вдруг упал, споткнулся обо что-то мягкое, в котором еле разглядел в дыму мальчишку, лежавшего ничком: лицо обожжено, в разводах сажи – не узнать, схватил в охапку, и побежал, насколько было сил, и ноги кое-как, но всё же вынесли его из пламенного ада на сухую пашню. К ним уже спешили люди, а он не мог, не получалось отдышаться, не понимал, о чём кричат ему, лёгкие рвались от кашля...

Пожар отпыхал. Сгорело несколько сараев на краю села и новый трактор. А мальчишка оказался Сашкой, любимым братом девушки Назара; его спасали в добринской больнице, но он, не приходя в сознание, скончался.

Родня невесты настояла на расследовании, и назвала Назара виновным в смерти паренька. О свадьбе уже никто не заикался.

Следователь Олег Годун с выбритым до лоска одутловатым лицом всё время морщился, выслушивая галелеевских жителей. Почему-то допрашивать начал с семьи погибшего и застрял у них допоздна, но от еды и чая, как и от более крепких напитков, отказался – не человек, а волнолом, а главное, так ничего и не записал в свой тощий блокнотик. Назара вызвали последним на третий день. Годун смотрел на него, не мигая, как танк на легковушку; задавал законные вопросы: зачем ночевать одному в лесу? где конкретно лежал и спал? что видел и слышал ночью? отчего произошёл пожар?.. а также о Сашке: почему мальчишка невзлюбил Назара и не хотел его женитьбы на сестре? почему не оказана своевременная помощь задохнувшемуся подростку?..

В результате расследования было установлено, что Сашка, со слов приятелей, прокрался за Назаром в лес, чтобы напугать его и посмеяться, но, видимо, заблудился. К тому же в штанах у него найдена зажигалка, в чём не было сюрприза – ведь, он курил в отличие от Назара, мог и лес поджечь случайно или не случайно. «Ему подкинули в карман!» – кричала в слепом отчаянье родня, кивая на ещё недавно обласканного ими жениха своей же дочери, убитого такую ложью. В общем, как ни надеялась родня мальчишки, из этого несчастья так и не вышло криминала, – следователь Годун, хоть и страдал желудком и тяжёлым взглядом на окружающее, однако, был служака с принципами.

Откуда ж, из какого семени созрела эта смерть так скоро и неотвратимо?

И выяснилось (в том заслуга памяти людской на всё приметливой), что на Крещение, после молебна, когда морозной ночью окунались всем селом в речную прорубь, единственный, кто заартачился тогда из ребятни, был Сашка. Струсил парень, – с кем ни бывает, с кем ни случалась вдруг необъяснимая боязнь и робость? Но многие заметили, с какой не детской злостью смотрел он, как, раздетый до трусов Назар, и старикам и детям помогал сходить в святую воду и выбираться на обледеневшие мостки, подбадривая всех, шутя с робевшей малышней и с Сашкой тоже, а после всех и сам трикратно погрузился бурно с головой. И пар стоял над ним, как жар, и все смеялись, что ему теперь и баня не нужна...

Да, шестиклассник Сашка невзлюбил Назара с тех пор, как тот серьёзно начал жениться, уединялся с Сашкиной сестрой на лавочке под облаком черёмухи душистым, возил сестру в Москву на праздничные дни, на всякие футболы и гулянья... За день до пожара Сашка сам признался дружку Артёмке, что ненавидит «всем нутром» Назара. «За что?» – не понимал Артёмка. «За всё! – звучал ответ, – пускай заснёт в лесу, уж я ему устрою! Умрёт от страха или заикой станет! И рассмеялся злобно, не по-детски... «А сестра твоя что скажет?» – спрашивал дружок. «Они вчера поссорились на эту тему, она просила не ходить, ей стыдно за него, так нет же, всё равно пойдёт! Я же говорю, он леший, леший!.. Не быть их свадьбе! Ненавижу!..»

А смерть уже склонилась над его затылком стриженным.

Назару (как сам он рассказал об этом) в те дни после пожара снилось, что ни ночь, одно и то же: вот он бежит, спасаясь от огня, держа в руках не Сашку, а свою невесту, и падает не то в овраг, не то в большую яму, но рук не расцепляет, прижав к груди, – к испугу своему, – уже не тело своей возлюбленной, но гладкий, словно лёд, булыжник...

И вышло, что в одной могиле с Сашкой похоронили и мечты свадьбе. От самой невесты, уже бывшей, Назар услышал меж её рыданий, что если б не его лесные идиотские ночёвки, то Сашка не погибла, что всему виной его, Назара, дурь, что ни за что на свете она не выйдет за того, кто стал причиной смерти брата!..

Но, видно, правду говорят, что за бедою иногда идёт беда другая. Одним из совладельцев агрофирмы, где вкалывал Назар, был отец невесты, от него-то, от своего несостоявшегося тестя, и подоспел удар, окончательно разметавший последние остатки прежней жизни. Назару предъявили обвинение в нанесении материального ущерба в виде сгоревшей дорогостоящей японской техники, а, по-простому, трактора, стоявшего недалеко от лесополосы: Назар намеревался спозаранку вскопать (что делал всякий год), «старой ведьме» Ниловне её земельку под огород, чем грубо нарушал установленный руководством предприятия категорический запрет на использование фирменной техники в личных целях.

Был суд, и присудили штраф, покрыть который не представлялось чем. Пришлось продать и дом с участком, и машину, и как бы увидеть себя со стороны: навроде чурбана-обрубка: без денег, без работы, без жилья. С неделю обретался он в старой бане, – там пили рьяно с преданным в доску Федькой Опушкиным по прозвищу Казак, и он же Фэд, с его братаном Почечуем, с приятелями мужиками скорыми всегда на сопереживание, тем более под нужную закуску...

Вот так живём не знаем, зачем случаются пожары с нами. А Сашка всё ж добился своего – расстроил свадьбу собственной ценою.

Односельчане думали-гадали, что за судьба такая у Назара; всё шло, как надо у него, и на тебе! – качали головами и терялись перед этой тайной...

И вот, однажды, кристально свежим предрасветным утром, он вышел с сумкой на плече, спустился по знакомой стёжке к речке, и побежал, срезая путь, шоссе, и след его простыл в россе.

С тех пор ни весточки о нём.

* * *

Прошло чуть более трёх лет, и появляется, откуда неизвестно человек, своей наружностью, фигурой напоминающий ушедшего когда-то в никуда галелеевского горе-жениха, к тому же, что-то знающий о данной местности и о селе, и о ком-то из живущих здесь. Но стоит ли и говорить о том, что внешность бывает, как известно, обманчива и переменчива, и мы порою видим то, во что нам мнится верить...

Итак, этот человек, то есть, Иисус, позвавший с собою Фёдора, обосновался с ним, за неимением иного крова, в старой бане, – на сколько дней, а, может, на ночь, неизвестно.

Банька приветила их своим настоящим за много лет лукошным подкопчённым духом. Фёдор весело и сноровисто запалил дрова в печке. Вскоре оба сидели уже без верхней одежды, точнее сказать, сидел только один из них, привалившись спиной в углу предбанника за столом, в то время как младший Опушкин, то подсаживался рядом, то вновь подхватывался и выбегал наружу за дровами, то возился у печки, то что-то сметал на полу стёртым коротким веником, и при этом без умолку говорил о всякой чепухе, будто тщился заговорить болтовнёй что-то такое, от чего, как ни крути, а не получится уйти...

– Дрова фиговые, почти всё осина да ёлка. Просил у Ганса, – Фёдор обернулся к сидящему за столом, – ну, у Лёхи Гардарикова, привези берёзовых, чтобы жар держался. Привёз, гад, осину с ёлкой, да ещё сырых, дуба совсем чуть-чуть, вот и коптят, мучайся тут... Ну, хоть задаром, и то хлеб. Ничего, сейчас разгорятся нормально будет... У Ганса на днях гулянка была, пол села гуляло, Ваньку его в армию провожали. Я говорю, Вань, где служить-то хочешь? Он говорит, мне бы куда подальше, охота мир посмотреть. Я говорю, а если в Сирию загремишь, к головорезам этим? А он мне, – туда, говорит, самых лучших берут, а я салага ещё, пока научусь, там, поди, всё закончится. Хороший пацан. Понятно, в танковые возьмут, отец на тракторе натаскал, туда ему самое оно. Я бы тоже не отказался повоевать за правое, как говорится, а что? «калаш» я с армии знаю, если надо и другой освою, уж лучше порох нюхать, чем эту житуху нашу. Скажешь, чего ж не пошёл? Верить, я уже собрался уйти, думал завтра или на край послезавтра, а тут ты свалился...

Фёдор подошёл к Иисусу, присел было, но снова поднялся и стал напротив.

– Ты скажи мне... Ну, просто я должен об этом спросить! Ты не думай, я сказал, что пойду с тобой, и я пойду, просто мне нужно знать... я не смогу без этого...

– Спрашивай.

– Скажи, Наз... то есть... Ты сказал, что ты – это Христос. Я не знаю, как с этим, честно не знаю... Мы тут вдвоём, никого больше нет, я должен понять для себя, ты тогда нарочно это сказал, как бы для всех, как бы для чего-то, со смыслом, или и для меня тоже? Просто я знаю себя, я не смогу без этого, без правды между нами... Ты действительно он?

– Я Иисус Христос.

– Значит, всё же так, – Фёдор сел и провёл ладонью по голове. – Значит, я должен это принять, я должен это принять... – повторил он с усилием.

Он повернулся и посмотрел в упор на Иисуса.

– Хорошо, я не буду просить доказательств, я пойду за тобой, как обещал, но я хочу, чтоб ты знал, я сам, именно сам должен поверить в это, железобетонно, до конца поверить, увидеть это, убедиться, что ты – Иисус. Я буду читать Евангелие, я кое-что помню оттуда, но теперь уж я буду каждое слово, каждую букву!..

Фёдор улыбнулся и, продолжая улыбаться, подошёл к печке, кинул в топку пару крупных поленьев.

– А есть мы что-нибудь будем?

– У меня еды нет. Вот деньги...

Фёдор глянул на протянутую ему тысячную купюру.

– Ага. Ладно, схожу, здесь недалеко. Чего купить-то? Колбаски, консерв каких-нибудь, кваску или...

– Всё равно. Что сам выберешь.

– Чай тут есть, там на полке. Сахар тоже там, – Фёдор взял деньги, надел свою куртку. – Может, помыться тебе с дороги-то? Парилка готова...

Но ему не ответили.

– Ладно, – он помялся у двери, – пойду. Если захочешь, полотенце на верхнем крючке, полосатое. Вода в бочке, там хватит... Ковшик, веник, мыло, тазик, в общем, разберёшься, что где...

И вышел из бани.

Вернулся через полчаса, неся в одной руке чёрный пакет с едой, другой – помахивая на ходу сигаретой. Напоследок затянулся и, стрельнув окурком в крапиву, вошёл в предбанник.

В предбаннике никого не было, лежала в углу на лавке сложенная одежда.

– Пошёл, значит, – сказал, прислушиваясь. – Наш человек.

Банька благодарно млела прогревая свои старые косточки, обволакивала духовитым теплом и уютом...

Фёдор накрывал на столе «поляну». Нарезал колбасы и хлеба, открыл консервы, достал пластиковый жбанчик с квасом. В завершение, не без заминки, поставил в середину бутылку водки.

– На всякий случай, мало ли... – оправдался перед собой.

Он ещё дважды выходил курить на крыльцо. Стоял, поглядывая по сторонам, шурясь от ветра... Село по воскресному копошилось у магазинов, у гаражей, пинало мяч на площадке; сновали по проулкам и бездорожью машины, собаки... Показался жиденский ручеек идущих из церкви односельчан. Фёдор глянул на них, и тихонько присвистнул, словно какая-то мысль промелькнула в нём.

– Надо будет спросить его, – сказал себе.

В том, что он обязательно спросит, не могло быть сомнений: с юных лет он так и не расстался с привычкой спрашивать в лоб о том, что засело в его голове, невзирая при этом на лица, время и место. Но прозвище своё «Казак» он получил не поэтому, а вследствие воспитательного процесса родимой бабки Федулы, которая, до третьего класса, порола своего любимого внука ремнём и даже прилюдно, но с неперенной присказкой: «терпи, казак, атаманом будешь!» Атаманом он не вышел и в заводилах никогда не ходил, зато был надёжным и верным товарищем, и в решительную минуту за спиной других не прятался. Что-то и впрямь было в нём от казацкой упёртой отваги.

Главным увлечением его, притом, с дошкольного возраста, являлись книги; покойный отец агроном, сам запоем поглощавший фантастику и детективы, читал ему вслух у детской кровати, что срабатывало безотказно: ребёнок быстро стихал и засыпал под рассказы о комиссаре Мегре, героях Артура Кларка или братьев Стругацких...

Фёдор стоял, попыхивая сигаретным дымком, явно испытывая нарастающее нетерпение... А человек, который позвал его, парился в бане, человек, за которым пошёл он не рассуждая, пошёл, надо думать, потому что похож на того, кто однажды ушёл и пропал с концами в том маятном дымном мае, кто был когда-то для Фёдора едва ли не главным поводом жить на земле, на которой его родили, впрочем, не спрашивая.

Едва докурив, Фёдор нашёл в предбаннике свою сумку, быстро нашарил в ней книжку в кожаном переплёте, наследство от бабки Федулы. Из парилки доносились долгий плеск падающей воды и восторженные басы блаженства... Торопясь, Фёдор открыл наугад Евангелие, и застыл, хватая глазами слова заветные: «Оттуда вышел Он и пришёл в Свое отечество; за ним следовали ученики Его. Когда наступила суббота, Он начал учить в синагоге; и многие слы-

шавшие с изумлением говорили: откуда у Него это? Что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами Его сестры? И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем»...

Открылась, с протяжным шорохом по полу верь из парилки. Фёдор захлопнул книгу. Перехватив взгляд вошедшего, опоясанного полотенцем, выдал себя голосом пойманного с поличным:

- Я тут читал...
- Понятно.
- С лёгким паром! – спохватился Фёдор.
- Спасибо.
- Ну, что? Небось, отвёл душу-то?
- Божественно!..

Человек с распаренным красным телом уселся на лавку, посмотрел с интересом на накрытую перед ним «поляну».

- Молодец, квасу купил.

Лицо его исходило влажной истомой, блестели глаза и волосы...

– Выпей холодненького, – Фёдор налил ему полную кружку, и смотрел, как он взял и пил из неё.

- Хорошо?

- В самый раз.

– Вот теперь точно знаю, что ты не Назар. У него приговорка была – «ато». Спросишь его, будешь это? или слышал про это? Он скажет, «ато!» Он меня этим «ато» до белого каления доводил, что ни скажешь, он на всё – ато и ато. А ты ни разу этого «ато» не сказал.

Фёдор незаметно убрал Евангелие со стола.

– Голодный, поди? Конечно, голодный, – сказал, не дожидаясь ответа. – Сейчас перекусим, как водится, я тут принёс, приготовил, кое-что на свой вкус... Ты извини, если я чего не то принёс, ты ж не говорил конкретно...

- Всё, что надо.

– Ну, добро. Я только выйду, курну на минутку, я быстро. Ничего? – Фёдор поднялся, пряча под курткой книгу.

- Ничего. Мне тоже охолонуть немного надо.

Фёдор на крыльце лихорадочно перебирал страницы Евангелия, вчитываясь в какие-то строчки, и снова листал с натянутой полуулыбкой. Наконец, наткнулся на какое-то место...

– «Итак, бодрствуйте, – шевелил он губами, – потому что не знаете, в который час Господь ваш придет. Но это вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий»...

Перечитал ещё раз. Сунул книгу под куртку и вернулся в баню.

– Ты извини, но один вопрос всё-таки надо выяснить, – едва войдя и закрыв за собою дверь, сказал Фёдор. – Если ты не Назар, а я и сам уже это понял, тогда спрашивается, как мне тебя называть? Иисус Христос? Или просто Иисус? Типа, «здравствуй, Иисус!» Извини, но я пока к этому не готов, может, когда-нибудь и буду готов, но не сейчас. Как быть-то? Ну, не «Учитель» же, это как-то... ну, не натурально, притворяться надо. Может, подскажешь?

- Ты уже решил, как хочешь называть меня, не так ли?

Фёдор несколько опешил.

– Я тут подумал... – он подошёл к столу и присел у своей сумки. – Если ты не против, можно я буду называть тебя «Спас»? Мне почему-то удобней, что ли... Спас вроде как Стас, и в то же время – Спаситель, ведь, Иисус Христос, он Спаситель, правда?

– Хорошо. Давай поедим.

Иисус сидел уже одетым, в штанах и рубаше; правой рукой он благословил еду, и они занялись трапезой. Какое-то время ели молча. Фёдор осторожно налил в кружки водку, немножко, на средний глоточек. Выпили также молча.

Видимо, было обоим усладно, тепло в этот миг...

– Хорошо сидим! – вылетело у Фёдора. – Я давно так не ел с охоткой...

Иисус улыбнулся.

– Так говорят на Руси.

– А можно ещё спросить? – придвинулся Фёдор. – Скажи, почему ты именно сюда пришёл? И почему позвал меня, не другого?

– У села какое название? – спросил, жуя, Иисус.

– Галелеево, – жуя, отвечал ему Фёдор. – А-а, понятно, Галилея... он же из Галилеи был, то есть, ты... А меня позвал почему?

– Всею своё время, Фёдор.

С улицы послышались голоса, топот тяжёлых ног по ступеням крыльца, кто-то дёрнул за ручку двери, и в предбанник ввалилась мужская компания.

– Я ж говорил, они здесь! – гаркнул Василий Опушкин, он же Почечуй, и заржал удовлетворённо.

Компания расселась по-свойски за стол; уже успели окинуть дары стола; руки потянулись за хлебом и колбасой... Фёдор подвинулся, оказавшись по левую руку Иисуса.

Их было четверо. Кроме Почечуя, рыжий, как медь, Коробок, он же Егор Кораблёв; долговзый Ганс, он же Алексей Гардариков; вечно хмурый Шибай, он же Дмитрий Шибает. Все с агрофирмы – колхоза бывшего: кто скотник, кто тракторист, кто сантехник. И все, как один, устали на Иисуса.

– Мы, значит, с Федькой тихохонько так закусьваем... воскресенье, благодать, петушки поют... – изображал Почечуй, – вдруг, вижу, входит, и говорит: «Я Иисус Христос!» У меня аж в горле глоток застыл. Ну, думаю, допрыгался я, пришли! сейчас возьмут за хряпку и почечуй! И главное, волосы, борода, глядит, как с иконы! Федька тот вообще к стенке прилип! Тут влетает Фура моя: «где пузырь спрятали?!», я в себя и пришёл мгновенно. Да, только примечаю, а за бородой-то знакомое что-то... Назар, едрёна втулка!..

– Бутылку-то нашла? – вставил Шибай.

– Не! я ж её в штаны сунул! Всё обыскала, а за это место не стала, боится!.. – зашёлся Почечуй.

– Где пропал, Назар? – весело спросил Коробок. – И не признавать тебя сразу...

– Вспоминали тебя, – сказал Ганс.

– У нас ферма горела, телят на руках выносили, как ты Сашку тогда из леса, помнишь? – пояснил Коробок.

Шибай пнул его локтем:

– Чо несёшь, не за то вспоминали.

– Тут как-то наши на Чёрную Гриву за грибами ходили, – рассказывал Ганс, – палатку нашли одноместную, а в ней – никого. Обшарили всё вокруг, думали, ты...

– А штой-то мы в сухую сидим? – вскинулся Почечуй. – Ну-ка, где там стакы-рюмашки...

Отыскались какие-то чашки-плошки; разлили, чокнулись:

– За встречу!

– За тебя, Назар!

Вся компания выпила залпом, и Фёдор с ними.

Но тот, кому адресовался тост, так и не поднял кружку.

– Назар, завязал что-ль? – подмигнул Коробок.

– Что-то не так, Назар? – не понял Ганс.

– Я не Назар, – произнёс Иисус.

Повисло молчание.

– Федька, скажи, это он или нет? – попросил Почечуй брата. – Ведь, он же, он!..

– Это не он, – сказал Фёдор.

Компания пришла в волнение.

– А кто ж ещё?

– Хорош пугать-то!

– Пусть сам скажет!..

– Он – Спас, – сказал Фёдор.

– Ага, Спас! – подхватил Почечуй, – яблочный или медовый? Может, ореховый?

– Пусть он скажет, – настаивал Ганс.

– Ну, и кто ты? – хмыкнул Шибай.

– Скажи им, – сжал зубы Фёдор.

– Я Иисус Христос.

Мужики перестали жевать.

С минуту все просидели не двигаясь.

– Ну, всё, я пошёл, – заявил Коробок. – Я в этой комедии не участвую...

Он вышел на крыльцо, хлопнув дверью.

– Извиняюсь, если чего не понял, – поднялся Ганс, – пойду-ка и я до дому.

За ним потопал Шибай, и закрыл за собою дверь.

– Фура-то моя, боюсь, кабы не свихнулась баба, – заговорил Почечуй, – уж такая мирная, послушливая, куда что делось... Домой-то придёшь? – обратился к брату.

Между братьями установились, с давних лет ещё, своеобразные отношения: в доме последнее слово было за старшим Опушкиным, а вне дома наоборот.

Фёдор мотнул головой – не приду.

– Ладно, коли такое дело... – Почечуй отделился от стола, и, что-то бурча под нос, вышел из бани.

Они снова были вдвоём. Фёдор убрал со стола пустую бутылку.

– Обиделись мужики, – констатировал Фёдор.

– Это ничего, – сказал Иисус.

– «Всему своё время», да? – напомнил Фёдор.

Он набулькал по кружкам квасу.

– Верно, – сказал Иисус.

– В Евангелии Иисус первым делом шёл в синагогу, то есть, по-ихнему, вроде храма считалось, – Фёдор спросил таки о том, что, видно, засвербело в нём при виде выходявших из храма односельчан. – А ты чего-то не торопишься туда совсем, или тебе синагога нужна, а не православный храм?

– В синагоге мне делать нечего, там Бога нет.

– А в наших православных?

– Не в каждый Дух Божий входит.

– А в галелеевской нашей?

– Если бы ты был утром в церкви, я бы пришёл туда, но ты был занят иным на пару с братом. В храм я приду, не переживай, всему своё время, Фёдор...

Между тем, покинувшие баню мужики стояли у магазина.

– Да какой он Христос, дурью мается! – говорил Коробок. – Тоже мне...

– Пусть себе поиграется, пока не надоест, – говорил Почечуй.

– А ты уверен, что это Назар?

– А кто ж ещё? Меня знает, Федьку знает, прямо к нам в дом припёрся!..

– Я думаю, Назар бы не стал дурью маяться, – говорил Ганс. Не такой он.

– Шибай, а ты как думаешь? – не унимался Коробок.

– А никак! – сплюнул Шибай. – Если он в натуре Иисус, так это и так поймут, а если нет, тогда не знаю, может, ещё какой крендель-шпендель...

На том и расстались.

А те, кто в бане, когда подоспело им время спать, укладывались на широких нагретых полках, и одинокий сверчок негромко трещал им о чём-то своём, о чём не расскажешь по-человечьи...

– Ты спишь? – раздалось от Фёдора в темноте.

– Ещё нет.

– Если всё-таки я не поверю, что ты Христос, ну, не увижу его в тебе, может такое быть?

Тогда что?

– Ты пойдёшь своей дорогой, я – своей.

– А какой своей?..

Но на это не получил ответа.

Утро всё переменяло.

Первым пробудился Фёдор; встал, умылся, покурил, пуская завитушки-дымки под рябиной, нависшей рдяными обильными грудями. За ночь баня заметно выстудилась, и он, стараясь не шуметь, наладил печку, и пошло тепло, и снова стало ладно и обжито. Фёдор, выходя в предбанник, глянул невзначай на спящего и обомлел. Иисус неузнаваемо переменялся: голова запрокинута, чело сплошь осыпано бисером пота; отверстый, словно пропасть, рот; правая рука хватала воздух, будто пыталась удержать кого-то...

Фёдор уже был рядом с ним:

– Спас! Что с тобой?! Ты болен?

Он вздрогнул, приоткрылись веки.

– Мне плохо.

Фёдор растерялся.

– Я вызову врача.

Но был запрет глухой и властный:

– Ни в коем случае!

Два дня была горячка и сотрясалось тело; всё говорил он с кем-то, бредил, не разобрать; Фёдор еле успевал менять намоченные полотенца; поил по ложечке водицей родниковой – вот вся еда больного...

На третий день, вернувшись утром из магазина, он был вторично потрясён за эти дни: больной, сидел одет и здоров, ну, разве что осунувшийся костно, и пил парное молоко из рук счастливой этим действием Фуры, то есть, Фроси...

– Ну, вот и хорошо, – сказала она, принимая пустую выпитую банку. – Я там ещё котлеток принесла домашних и пшённой кашки на топлёном масле.

– Здравствуй... – обрёл дар речи Фёдор.

– Здравствуй, Федя.

Она поставила на стол кастрюльки, достала ложки, салфетки...

– Кушайте, пожалуйста, а я пойду, не буду вам мешать.

У выхода она вдруг повернулась и, низко поклонясь, о чём-то торопливо благодарила, захлёбывалась плачем и слезами... Открыла дверь и вышла, утираясь рукавом плаща, и без того сырого, – вторые сутки дождь висел над всем унылым долом.

– Я её такой не помню! – Фёдор повёл головой.

– Чувствую себя блаженно! – сказал с улыбкой Иисус.

– Что хоть произошло-то?

Случилось так, что стоило Фёдору выбежать под дождь за жаропонижающим в ближайший дом от бани, как Иисуса, словно бы толкнули, и он очнулся; сел на постели, озираясь, и, судя по всему, было ему легко. Накинул на себя одежду, встал, едва шатаясь, тут и постучалась Фрося, она же, Фура по прошлой жизни, и принялась его поить молоком, прямо с утренней дойки, козьим.

Вот, что произошло до прихода Фёдора.

– И что сказала?

– Что больше головная боль её не мучает. Сказала: «моя злоба выкинулась чёрной жабой из меня», это её слова.

– Не представляю. Что с ней такое?

– Говорит: «хочу любить весь мир».

– Не может быть!

– Разве ты сам не видел?

– Неужто потому, что сама себя шарахнула сковородой по кумполу?

– Не без того.

Фёдор развесил свою одежду поближе к печке.

– Спас, скажи, что с тобой было?

– Не знаю, меня сжигал огонь внутри...

– Но почему? с чего вдруг?

– Так надо было...

– Но ты же Иисус!

– И человек. Я ем, и сплю, и так же, как и все могу болеть.

– Я думал, ты умрёшь, ты был так страшен! Я не знал, что делать!

– Запомни, нельзя отчаиваться, но всё предай Всевышней воле.

– Пока я всё-таки не знаю, кто ты, – отвечал на это Фёдор. – Но мне до жути интересно, что будет дальше!..

Те три дня, что продержали Иисуса в странной скоротечной хвори, не обошлись без последствий для галелеевского дремотного мира, – заезженную жизни карусель довольно ощутимо встряхнуло и приостановило от небывалой вести: «в селе явился во плоти Христос и тайно поселился у Федьки в бане!», а к этому вдогонку – «и исцеляет!»

Последнее связали с Фросей: разве не чудо – вечно злая баба, что на людей бросалась с матюгами, каких не всякий пьяный грузчик знает, и вдруг тиха, приветлива, как летний полдень, «а всё из-за того, что этот человек, который Иисус, когда она напала на него, он выхватил из рук её сковороду и треснул по лбу ей, и в тот же миг собака злая сделалась овечкой, и теперь она со всеми добрая на загляденье!.. уж это точно чудеса, – как ни лупи себя сковородой, а без участия Божьего кроме шишек ничего не будет!»

Однако, нашлось кому и возразить на это в лице усердной прихожанки Воронцовой, она решительно не приняла рассказов о явном чуде с неузнаваемой, в хорошем смысле, Евфросинией: «Всё это сказки, а по правде, уж не взыщите, обыкновенный самообман! С ударами по голове ещё не то бывает, – у наших знакомых в Люберцах сын восьмиклассник выпал из окна и тоже голову расшиб, так он с тех пор на всех олимпиадах по математике первые места берёт, а раньше был ни в зуб ногой в ученье! А этот ваш «Иисус» здесь вовсе не причём, обыкновенный прохиндей, мошенник, не покупайтесь, чтобы не жалеть потом! Евангелие почитайте, там про таких всё сказано давно: не верьте тем, кто косит под Христа, таких полным полно на свете, они хотят отбить людей от веры, а заодно и ободрать до нитки! Настоящий-то Иисус по баням не шастает, не глушит водку с мужиками, он в храме нашем – вот он где! Сходите, коль мне не верите, спросите батюшку, он вам мозги прочистит!» В общем, всякого наговорила с лихом.

А после, эта Воронцова поехала купить билет в Черногорию на отдых, куда уже отправила супруга с дочкой (самой пришлось подзадержаться из-за нагрывшей проверки: рабо-

тала учётчицей на базе), да только произошло несчастье: то ли в электричке, то ли на вокзале из сумочки её украли документы, в том числе (как специально!), загранпаспорт, а с ним и российский, и полис медицинский, и деньги, что взяла с собой, и карту Сбера, и кое-как до дома на попутках добралась. Всё надо было восстанавливать, ходить по конторам за справками, и время драгоценное терять, и где-то денег занимать... Бедная Воронцова, убиваясь на руках родни, повторяла, как заведённая: «Воистину, Черногория! воистину, чёрное горе мне, Господи!..» И всеми это было воспринято не иначе, как посланный свыше знак: ох, напрасно ты возникала, Воронцова, вот и получила!

Это стало вторым свидетельством начавшихся чудес.

А третьим чудом стало происшествие с пенсионером, бывшим директором сельской школы, Акимом Ивановичем Скоблевым, возразившим тогда на выпады Воронцовой: «Мне, – говорил он, – больше верится в необъяснимый случай с Фросей. За столько лет от неё ни разу ничего хорошего не слышали, всегда кого-нибудь бранила, не стыдись людей, а тут уж, верь не верь, совсем другой перед тобою человек, и говорить с ней удовольствие теперь, нет, это дело Божье. Тебя же, Воронцова, знаю я с самых, можно сказать, зелёных соплей, и сколько знаю лет, ты не меняешься, а всё такая же любительница спорить, осуждать, везде встречать, когда тебя не просят, хоть ты у нас и церковная вся, не пропускаешь службы и посты, всё соблюдаешь, как положено, а мира нет в тебе, а, значит, нет и правды...» На этом слове Аким Иванович и оставил Воронцову, и пошёл, – давно смирившийся с судьбой вдовец, в своё жильё, к своим любимым кошкам и своему неунывающему Дайке, хромому пёсику, которого беспомощным щенком он подобрал на кладбище, через неделю после похорон своей жены-хозяйки, и с той поры минуло восемь лет однообразных. А дело ещё было в том, что всеми уважаемый Аким Иванович, прослыл к тому же чудачком: задался целью раз и навсегда закрыть на улице проблему с водоснабжением (наследство аж с райкомовских времён): он на собственные деньги ископал общественный колодец, не сам, конечно, но бригадой мужиков с Мордвы, и всем хорош колодец получился, да не простой, не барабан-вертушка, а журавель – высокий, горделивый, единственный такой в селе, беда лишь, что так и не далось воды в нём, то есть, по началу-то она пошла, наполнила чуть выше половины бетонный жёлоб из колец, но спустя два дня ушла, и вот четыре года, накрытый деревянной крышкой, стоял колодец пуст и сух, подобно желудку постника великого. «Ну, чудак ты, Аким Иваныч, – говорили люди, – ведь исстари известно, что в этом месте – на песчаной горке, нету водной жилы в глубине, так нет же, никого не слушал и деньги выбросил на ветер, и нате вам, торчит жердью в небо журавель, а толку-то?!»

Итак, в тот, ставший знаменитым, час, Аким Иванович Скоблев возвращался домой после своего словесного отпора Воронцовой; он уже поравнялся со своим родным забором, бросив почти случайный взгляд на тот колодец, и превратился в столб. Из-под крышки, лежавшей на бетонном кольце, струилась извилистыми подтёками какая-то вода, струилась до того обильно, что бетонные стенки кольца темнели от влаги, а по жухлой осенней траве с каждой секундой расширялась внушительного размера лужа. Аким Иванович подбежал и откинул крышку, – смотрел на переполненный водой колодец и не мог наглядеться...

Все три события были признаны невероятными, а, стало быть, убедительными доводами в пользу настоящести Иисуса, – тут уж ничего не поделаешь с людской особенностью выводить одно из другого. Посему, наиболее впечатлительные галелеяне железно уверовали в чудотворца, всё ещё обитавшего в бане, а наименее впечатлительные галелеяне не менее стойко помалкивали, не находя сколько-нибудь убедительных контр аргументов.

* * *

Дождь всё падал и падал, застилая равнину серебристо-дымчатой пеленой... Деревья покорно теряли последние свои листики. Всё, что стояло под небом, словно нахохлилось, вобрав голову в плечи, и лишь одни автомобили, эти суетливые выскочки, шныряли, шипя по лужам, и блестя одинаковыми залысинами, но, казалось, что и они невольно участвовали в этом общем ожиданье...

Ожиданье зимы.

Отец Иаков, настоятель Ильинского храма, сидел за компьютером, перекусывая крепким бордовым яблочком из своего же сада, и никуда не спешил. Таков был его, устоявшийся за пятьдесят восемь лет (из коих, тридцать в священном сане) неизменный характер: он никогда, ни по какому поводу, никуда не спешил. Кто хотя бы раз в жизни поварился в такой блаженной размеренности, тот знает, какие исключительные преимущества приносят её плоды. Человек, как ни странно, везде успевает; дела его служебные и домашние пребывают в полном порядке; вообще, всё, что так или иначе входит в круг его житейской обыденности, рано или поздно подстраивается под этот упорядоченный ритм существования, который, кроме того, попутствует постижению некоторых вещей и понятий, не терпящих суеты.

Отец Иаков прошёлся по новостным и церковным сайтам; кое-что почитал оттуда; отправил четыре письма со своей электронной почты. Подходил к окну, разговаривая по мобильному телефону с матушкой Натальей о каких-то лекарствах, которые следовало передать кому-то болящему; просил её быть осмотрительной (матушка была за рулём) и резко не перестраиваться. Останавливался у большого зеркала в прихожей, делал значительное лицо, делал искреннюю улыбку... Снова разговаривал по телефону с матушкой: уже о покупке для него гелевых стержней; открывал холодильник, но, видимо, передумав, ничего не взял. Сидел на тахте, просматривая журнал «Фома», гоняя во рту конфетку... Ему звонили: сначала дочка Варвара просила его мокрым голосом, чтобы он, наконец, поговорил с учителем информатики, который, по её словам, «намеренно придирается к Денису и Сёмке (внукам отца Иакова), и унижает их оскорбительными насмешками за их православность», по причине, как она думает, его принадлежности к «Свидетелям Иеговы». Помимо мальчишек-двойняшек, у дочери с мужем имелись ещё двое девочек: одной год, другой два, и всё бы ничего у Варвары, да муж шалопай, – поменял с десяток профессий, всё время в каких-то разъездах сомнительных (притом, и выпить не дурак), но Варвара без ума от него, – и кто осудит её за это?. Наконец, был звонок от отца благочинного Владимира, – тот с места в карьер завёл разговор об этом человеке из бани (и откуда узнал-то?!), называя его не иначе, как «опасный провокатор», и занудно, со свойственной ему подозрительностью, пенял отцу Иакову, что «как бы не прозевать у себя под носом тоталитарную секту очередного новоявленного «Иисуса», или какого-нибудь «бога Кузю», нам ещё этого не хватало! и не дай бог, если слух об этом через охочих до всяких сенсаций СМИ достанет до ушей владыки да ещё накануне Архиерейского собора...» Но отцу Иакову было не впервой учтиво и резонно унимать начальственные треволения; он отвечал, что «объективно на данный момент нет никаких оснований для развития событий в не желательном для нас ключе, но имеет место банальное людское любопытство ко всякого рода чудикам-проходимцам», что у него уже имеется информация, которая позволяет предполагать, что «это просто человек с расстроенной психикой, каких сейчас, увы, не мало в нашем отечестве, хотя, может быть, обыкновенный не слишком ловкий авантюрист-самозванец в расчёте на доверчивых бабулек и их кошельки», тем не менее, он, как глава прихода, «намерен в ближайший дни разобраться с этим субъектом и вывести его, так сказать, на чистую воду, о чём, разумеется, постараюсь незамедлительно информировать вас». На том и уговорились.

– Но каков провидец! – сказал отец Иаков, положив трубку.

«Провидец», в адрес отца Владимира, объяснялось тем, что с минуты на минуту отец Иаков (всё же несколько озадаченный молвой в своём приходе о загадочном человеке из бани и его «чудесах») ожидал к себе Фёдора Опушкина, друга-приятеля того, кто называл себя Иисусом, ставшим за эти дни настоящей притчей во языцех. Батюшка, при посредстве своих прихожан, связался по телефону с Фёдором (в то время вышедшему за парацетамолом к ближайшим соседям), и попросил придти к нему на беседу, желательно к трём часам, и Фёдор обещал придти.

На часах настенных было без пятнадцати три. Отец Иаков посмотрел в окно, откуда виднелся Ильинский храм с недавно подновлённым верхним ярусом колокольни, и блестела лужами вдоль церковной ограды дорожка, по которой уже спешил шагами саженными Фёдор Опушкин, – никогда не приходил он точно минута в минуту, зато и никогда не заставлял себя ждать.

Настоятель принял его в своей комнате. На столе, уложенные красивой пирамидкой на блюде, отливали рубинами яблоки; батюшка был любезен, заговорил сперва о постороннем, посетовал на непогоду; рука его обмотанная чётками, расправила складку на скатерти, огладила бороду...

Отец Иаков настоятельствовал в галеевской церкви всего два года. Его предшественник, отец Сергей, ушёл на покой по болезни и возрасту, и проживал в Борисоглебском монастыре, где и брат его меньший монашествовал; матушка же, спутница его ещё с порога семинарского, решила завершить протяжный бабий век свой по иному, и, отколовшись от прежней жизни, как глыба от ледника, не в келью подалась прощальную, но к черноморскому причалу, – там и таяла помаленьку под крики чаек, под благодарную заботу внучек и лепет правнучат забавный...

Перевести разговор на основную тему отцу Иакову неожиданно помог его собеседник:

– Батюшка, может ли в наше время придти Христос?

Отец Иаков как-то замер, словно его застали врасплох.

– Видите ли... в Писании сказано, что многие придут под Его именем, вот это точно известно, – заговорил он после заминки.

– Я читал Евангелие, – вставил Фёдор.

– Хотя в принципе да, конечно, – продолжал рассуждать отец Иаков, – после Своего Воскресения, Господь являлся святым отцам, об этом упоминается в некоторых житиях. Да, несомненно, и не только святым, но и простым людям, и бывали случаи, что и в наши дни некоторым из... – он прервался на полуслове.

Фёдор внимательно слушал.

– Но, мне кажется, вы имеете в виду нечто другое... то есть, когда Он непосредственно, так сказать, во плоти? – вынул батюшка.

– Да, когда во плоти, – подтвердил Фёдор.

– То есть, в образе современного человека, хотите сказать? – уточнил отец Иаков.

– Я хочу сказать, что я сейчас... что рядом со мной сейчас такой человек.

– Какой человек?

– Иисус Христос, – запинаясь, вымолвил Фёдор.

– Вы хотите сказать, тот, кто назвался подобным именем?

Фёдор кивнул.

– То есть, вы не уверены, что тот, кто представился вам, как Иисус Христос, он действительно и есть Христос? Так?

– Почему я не уверен?

– Разве вас ничего не смущает в нём? Разве вы не сомневаетесь в том, что он настоящий? – наседали на гостя отец Иаков. – Если бы вы были в этом уверены, вы бы не спрашивали меня, возможно ли в наше время явиться Иисусу Христу?

Батюшка несколько увлёкся своим нажимом, – с Фёдором такое не проходит.

– Даже пусть сомневаюсь, и что? Это, может, совсем ничего не значит! Апостолы тоже сомневались, хотя и были с Ним каждый день и везде ходили за Ним, и Он говорил с ними, и вместе ели и пили с Ним, и видели все чудеса Его, и всё равно сомневались, Он это или не Он?

– Что-то я не припомню такого в Евангелии, – отреагировал отец Иаков.

– Двадцать восьмая глава от Матфея, в самом конце, – подсказал Фёдор.

Батюшка посмотрел на него с доверием.

– Ну, допустим. Вы хотите сказать, что истина не зависит от нашего частного впечатления. Это справедливо. Это так и есть. Что касается непосредственного появления Иисуса Христа, то вы, как человек осведомлённый в Евангельской истории, знаете, что это будет перед концом света, и будет в виде великого знамения от Востока до Запада, а о других Его появлениях нигде не сказано, впрочем... – батюшка вдруг призадумался. – Я хотел бы увидеть этого человека, – сказал он уверенно.

– В воскресенье он будет в храме.

– Как?! Он будет на службе?

– На службе или после неё, не знаю. Сказал, что в это воскресенье будет в храме.

– Ну, что ж, хорошо, что предупредили.

Батюшка посмотрел ему в глаза.

– Что вы можете о нём сказать? Я собственно ради этого и пригласил вас.

– Ничего плохого, – ответил Фёдор.

– Ну, это общая фраза. Думаю, мы с вами также могли сказать друг о друге, но это же не означает, что кто-то из нас Христос? – подшутил отец Яков.

– Могу сказать только хорошее, – прибавил Фёдор, как бы поставив на этом точку.

– Ладно, – провёл ладонью по скатерти отец Иаков. – Не хотите яблочка? Возьмите, угощайтесь, очень сладкие, из нашего сада. Такой урожай в эту осень, не стесняйтесь!..

– Спасибо, но я...

Мелодично затренькал мобильник отца Иакова, он поднёс его к уху, послушал, сказал кому-то:

– Я занят, перезвоню.

Фёдор уже поглядывал по сторонам, на лице его было написано: «сколько мне тут сидеть ещё?»

Но батюшка прочитал.

– Я постараюсь не задерживать вас надолго. Давайте перейдём прямо к делу.

– Давайте! – оживился Фёдор.

– Вы когда-нибудь слышали о хлыстах? – мягким тоном экзаменатора спросил отец Иаков. – Есть такая секта из тех, что называют себя «люди Божьи»; эта секта известна чуть ли не с четырнадцатого века, хотя наиболее достоверным принято считать середину семнадцатого века. Знаете ли, что-то об этих людях, об их учении?

– Не знаю, – мотнул головой Фёдор.

Батюшка придвинул к себе ноутбук, которого раньше не замечалось из-за схожего золотистого цвета со скатертью; раскрыл его и быстро пробежал по клавиатуре...

– Информация взята из интернета, так что, если у вас есть такая возможность, можете полюбопытствовать сами, тут интересные факты встречаются. Но я прочитаю вам выборочно, чтобы не очень грузить вас. Итак, существует точка зрения о происхождении хлыстов, – сказал он, всматриваясь в текст на мониторе, – я цитирую из Википедии: «связывающая их с христианскими явлениями религиозной жизни семнадцатого века: преимущественно с русской православной традицией исихазма, с идеей... – батюшка поднял палец, – «обожения» и радикальными толками старообрядчества».

Видимо, батюшка подготовился, и применял домашнюю заготовку.

– Зачем вы мне это читаете? Какое-то «обожение», причём тут обожение? – заартачился Фёдор.

– Сейчас, сейчас... потерпите, вы всё поймёте. Слушайте: «основателем секты считается крестьянин Костромской губернии Данила Филиппович, он же, Филиппов. Предание гласит, что в 1645 году в Стародубской волости Муромского уезда Владимирской губернии, в приходе Егорьевском, что на горе Городина, сошёл на землю сам Господь Саваоф и вселился в плоть Данилы Филиппова и дал людям двенадцать новых заповедей. В дальнейшем Данила Филиппов жил в Костроме и умер на сотом году жизни 1 января 1700 года. Так как по учению хлыстов Господь Саваоф сошёл на землю лишь однажды, то преемники Данилы Филиппова были уже «Христами»; помимо общих христов-преемников в каждой общине также были свои христы. Первым «Христом» стал Иван Тимофеевич Суслов, проживавший в селе Павлов Перевоз Нижегородской губернии. Второй «Христос» – Прокопий Данилович Лупкин, живший сначала в Нижнем Новгороде, а позднее в Москве. При «Христах» были и «Богородицы»... Ну, и так далее, – оторвался от ноутбука отец Иаков.

Фёдор, слушая про хлыстов и «Христов», поглядывал на батюшку и вздыхал.

– Вы, я вижу, вполне безразличны к тому, что услышали от меня? То есть, вы полагаете, что это не имеет никакого отношения к вашему знакомому, который уверяет всех, что он – Иисус Христос? – произнёс, явно досадуя на собеседника, отец Иаков.

– Он не уверяет всех, он сказал всего один раз – мне и брату, и всё. Ну, ещё разок было.

– Фёдор, могу я вас спросить? А вы сами-то в храм почему не ходите? Вы же крещёный?

– Крещёный.

– Ни разу не имел удовольствия видеть вас.

– На Пасху был, на Ильин день тоже... заходил.

– Понятно.

– А можно и я вам кое-что скажу? – спросил Фёдор, несколько пугающе выговаривая слова.

– Конечно, мы же беседуем с вами на пр... на эту тему, – заверил батюшка, но отчего-то не сказал «на равных».

– Скажите, батюшка, вы же пастырь по своему званию, по назначению, что ли, в нашем селе? Ну, для всех нас?

– В известном смысле... разумеется.

– Значит, пастырь. А вы, как пастырь, положите свою голову за меня? Вот прямо сейчас? Пойдёте за меня на смерть прямо сию минуту?..

– Что вы имеете в виду? Не понимаю.

– Чего ж тут не понимать, я вам, как в Евангелии говорю: «Пастырь добрый душу за своих овец полагает», так ведь? Вы положите свою за меня?

– А, так это вы в евангельском, так сказать, в образном смысле. Допустим, я готов, то есть, в принципе... но вы же понимаете, что должна быть причина, очень веская причина, соответствующая ситуация...

– Сейчас ворвётся сюда кто-нибудь с топором и кинется на меня – вы закроете меня собой, подставитесь под его топор?

– Вы предлагаете смоделировать ситуацию, так сказать, ролевую игру. Что ж, давайте попробуем... Он замахивается на вас топором, а я должен как бы стать вместо вас, и тогда топор обрушивается на меня...

– И раскалывает ваш черепок, как арбуз! – дорисовал картину Фёдор.

– И что дальше? Потом он точно также расправится и с вами, и что мы в результате имеем?

– Да какая разница, что дальше и что в результате! – Фёдор встал.

– Ну, как это, какая разница? Разница колоссальная! К чему напрасные жертвы?..

– Значит, вы не хотите положить за меня свою душу? – уточнил Фёдор.

– В данном контексте это представляется бессмысленным. Поймите, Фёдор, пастырь поставлен над многими, у пастыря не одна овца, у него их много, он обязан думать о всех, а если не станет пастыря, что с остальными будет?

– А в Евангелии Христос бежит за пропавшей овцой, спасает её, и идёт с ней к девяносто девяти не пропавшим...

– Что вы всё меня в Евангелие тычете, – раскраснелся отец Иаков. – Можно подумать, вы по Евангелию живёте!

– Не живу, это правда. Только вы-то вот не хотите за меня душу класть, а Иисус, который там, в бане, он за меня положит душу, и без всяких ваших «допустим»! Знаю, что положит, чувствую, что положит!.. Ещё я не всё понял про него, ещё многого не знаю о нём, но то, что он душу свою за меня отдаст, если надо, в это я верю! Простите, коли, чем обидел.

Фёдор приложил руку к груди, нескладно поклонился, и вышел.

– Иди с Богом! – сказал отец Иаков, когда дверь за гостем уже закрылась. – Уж если на то пошло, это ещё ничего не доказывает! – бросил он ушедшему Фёдору. – Не нужно было поддаваться на провокацию... осёл!.. – укорил себя.

Опять затренькал телефон на столе, но он всё сидел, теребя свои чётки, и прикусывая за ус...

* * *

Как и следовало ожидать, после всего, что натолковали и навывдумывали в Галелееве и окрест него о «каком-то Христе», и о чудесах его, сто раз пересказанными, первые наиболее доверчивые и любопытствующие сельчане потянулись в направлении бани, обдаваемые дождями хлёткими, по топким осклизлым тропкам со своими просьбами и вопросами.

Фёдор запускал их в предбанник по одному или по двое, – смотря по обстоятельствам, и редко, кто задерживался более получаса. Иисус же никого не лечил, не учил, отпускал без всякого приговора, и некоторые уходили разочарованными, но на следующий день приходили новые посетители, предшественниками вдохновлённые, а после того, как он отказался от своей причастности к упомянутым чудесам, – число его сторонников резко выросло...

Иисус сидел, слушал, и слышал порой такое, что глаза его разбухали от слёз.

Приходила к нему колхозный диспетчер Кашина Анна, жившая более-менее сносно замужем за Никитой Савельичем, бригадиром механиков, говорила о дочери девятикласснице:

– Не знаем с отцом, что делать с ней, ходит, словно чужая, если что не понравится ей, неделю не разговаривает; на уме одни парни, наряды да танцы; по дому помочь, посидеть с меньшим братиком не допросишься, или плати ей деньги за это... И она не одна такая, но вся их компания; все грубят с высока, всё что-то скрывают, будто их сюда заслали с секретным заданием. Господи, отчего с нами дети так, как с врагами, ведь они наши дети, от нашей крови и плоти! Их вскормили, вырастили, себе отказывая, а они нам теперь даже в малом помочь не хотят, что же дальше-то? В семье, как говорится, не без уродов, отчего же, Господи, у нас столько уродов-то?.. Может, мало рожаем? Раньше такого не было между нами, с детства все сами делали, ну, почти всегда, без окрика, без напоминания; старших слушались, пусть не во всём, не сразу, но чтобы послать их матом?!.. Что ж это с народом станется?..

– А вы-то их любите сами? – спросил Иисус.

– Я-то? конечно, я мать... – но задумалась. – люблю ли? уж я и не знаю... Не знаю.

Анна прервалась на слове. Никто не мешал ей ушедшей в себя...

Какое-то время спустя, сказала:

– Вот она в чём загвоздка. Любить. А что такое любить? Никогда об этом не думала, просто говорила: люблю то, люблю это, ребёнка, мужа... Наверное, когда что-то нравится сильно-

сильно... нет, не то, нравится, это другое, а любить... Ну, как мне любить его, если он всё поперёк мне делает, и говорит поперёк, чтоб по его всё было... И как мне её любить, уж и так и сяк перед ней танцуешь: «доченька», «дочура», всё для неё, а она простого спасибо не скажет! Обидно же! Разве я не любила бы?! Да я бы, ой... Я бы, так, может, хотела любить, как никто. Обида душит...

– Лучше не скажешь, – отозвался Иисус.

– Правда? Я чувствую, что правда, так и есть. Обида. А когда обида, тут и психанёшь, да ругнёшься, да сама и обидишь, и вся душа чадит, вся в дыму, и всё застит, где уж там белый свет... – Анна вздохнула и выдохнула, и чуть улыбнулась, – вроде полегше стало...

Приходил к нему отец Артёмки, сорокалетний «Камаз» (по прозвищу от сельчан), Андрей Михайлович Комонь, мужик большой и надёжный, но вспыльчивый, водитель-дальнобойщик, работавший на известную торговую сеть. Увидев, что Фёдор по-свойски остался послушать их, всё же сказал:

– Фэд (так он называл его), ты выйди, ладно? У меня тут... в общем, надо, пойми. Без ссоры, слышь? – крикнул уже вдогонку Фёдору, выходявшему на крыльцо.

С крыши крыльца свисали струи дождя, наполнявшие длинную лужу, похожую контуром на Байкал. Фёдор поёжился, ослабил на взгляды стоявших под зонтами посетителей, подмигнул, и перепрыгнул на траву подвялую, нашёл в ней два булыжника подходящих, приладил их в луже, сверху наложил залежалую под крыльцом, с погнутыми на изнанке ржавыми гвоздями – червяками, доску, смирившуюся было со своей негодностью (а и сгодилась под старость-то!), встал на неё, притопнул – надёжно! Снова взбежал на крыльцо довольный по-детски...

– Чтоб не утонули!

И все улыбнулись.

В это время Камаз, он же Андрей Комонь, всё никак не мог начать разговор, видать, набирался духу...

– Даже не знаю, как сказать, потому что, в общем-то, я нормальный, – усмехнулся Камаз. – Может быть, для начала, немного о себе нужно пару слов?... Живу здесь со своей Людмилой, она местная, заведует в детском саду, я челябинский, в Анапе познакомились, ну, и... вот Тёмка подрос уже, второго ждём. Я это к тому, что у нас всё в норме, и машина есть, «Шевроле-Нива», я ж за нормальные бабки мотаюсь, пока хватает, чтобы как-то держаться. И вот, к чему я это... Если честно, чувствую себя беспросветно. Спроси меня почему? Я скажу почему. Потому что нет тяги жить, понимаешь?! Нет во мне интереса ни к чему на свете. А ведь раньше был! Раньше всё куда-то бежишь, то в кино, то с ребятами на рыбалку, то к девчонке своей на свиданку, то на футбол, на работу даже!.. Утром проснёшься, глаза ещё не продрал, а внутри уже – ага! – сегодня у друга праздник, или Тёмку встречаем из лагеря, или что-то сделать надо, смастерить чего-то такое дельное, или в лес за грибами собрались, да мало ли! Каждый день хоть что-нибудь до радовало, какая-нибудь малость, чепуха, казалось бы, а к жизни притягивало. И вот, какой уж год, живу, как по инерции, на автопилоте, куда ни глянешь – везде одно и то же, и всё заранее знаешь. И главное, всё осталось, и семья, и друзья, и рыбалка, и футбол, и дела, и праздники разные, а меня тошнит – какой в этом смысл?! Я ж не ромашка, не муха, ведь должен быть смысл жить! Скажи, я болен, или это психическое, ненормальное что-то?... Но я вот смотрю вокруг, и вижу, что я не один такой, что и все остальные такие же, только делают вид, что их ещё что-то тут держит, что впереди, может, что-нибудь светит...

– О, если бы все! Но не все, – услышал от Иисуса.

– Странно. Не ожидал. Так разве вот с этим возможно жить? Ну, как жить, если мне, что зима, что лето – всё давно фиолетово. На детей гляжу, как они растут, что наши, что городские, так они ещё жизни не видели, а уже устали, уже всё знают, чуть подрастут и уходят, из жизни уходят! – сколько самоубийством кончают, с крыши высоток сигают, травятся всякой гадостью,

и всё запросто, играючи... Я дальнобой, еду по стране, наблюдаю, и скажу тебе, везде картина приблизительно одна и та же, люди барахтаются, кто как, в этой нашей действительности, даже вроде чему-то радуются, вроде чего-то могут, всё куда-то спешат, а у каждого, у кого на лбу, у кого на затылке вот такими буквами – «безнадёга»! Или это мой взгляд такой?.. Кажется, вот настоящее, вот оно! а тронешь – и пустота. А эти «господа», которые в телящике нам на мозги капают, мол, всё идёт, как надо, ребята, а я вижу, пустые лица говорят пустые слова! Скоро снова выборы, снова будут наперебой обещать всё подряд: пустота в упаковке из слов. Тошно мне в этом всём!.. Что-то я разошёлся, нагородил с три короба, но есть же какой-то выход? Скажи. Ты же всё-таки, говорят, Иисус.

– А как ты хотел бы жить?

– Как? Да понятно как, не так, как сейчас. Я до того дошёл, что начал уже желать в душе, чтобы что-то стряслось большое, огромное, вроде войны, уже стал прислушиваться к новостям, ловлю, уже жду не дожусь, когда всё рванет и ухнет, может тогда станет ясно, и я пойму, куда надо жить, а куда не надо...

– Что же ты до сих пор не ушёл из жизни?

– Я, будь моя воля, ушёл бы, да детей и жену жалко, им без меня нельзя никак, да и грех вроде. В общем, не знаю, как быть, потому и пришёл к тебе.

– Есть другая жизнь.

– Вечная, что ли? Вроде рая? Да знаю я.

– Знал бы, так не отчаивался, не пришёл бы сюда.

– А что мне до рая? Он там, а я здесь, мне до него, как пешком до Полярной звезды, не дойти никогда! Туда, ведь, просто так не пускают. Говоришь, не отчаиваться, ладно, согласен, но не отчаиваться ради чего? Ради рая? Но, если в него всё равно не попасть?!

– Другие же попали, не хуже тебя.

– Предлагаешь мне с этим жить на земле... Значит, всё вокруг будет то же самое, а внутри меня, а во мне... – Андрей, словно, что-то прикидывал, – ну, не знаю. Жить ради рая, так что ли?

– Попробуй, это реально: жить по правде Божьей и ради правды, ведущей в рай. И всё наладится. Ради этого стоит жить.

– Не ожидал. Но это... Это меня забирает!..

Он медленно встал, прощаясь. Приговаривал, пока шёл до двери, как бы запоминая:

– Жить по правде... ради рая...

Придя домой, он достал из холодильника бутылку пива, налил в свою синюю кружку, и выпил. Людмила ещё не пришла с работы. Из комнаты Артёма доносился футбольный матч... Андрей постоял, посмотрел на бутылку, но не допил. Зашёл к сыну.

– Всё футбол смотришь?

Артём не обернулся, кивнул.

– И кто играет?

– «Барса» с «Реалом», в записи.

– Так видел уже.

– Ну и что? Ещё посмотрю, наши так не играют.

– Сто раз одно и то же. Других дел нету?

Артём пропустил мимо ушей.

– С тобой отец разговаривает! – вспыхнул Андрей.

– А что делать-то?

– Кроме футбола никаких дел, да?

– А какие? Дождь идёт...

– Пошёл бы в сарай, смастерил что-нибудь. Я помню молодым из мастерской у дядьки не вылезал, всё чего-то строгаешь, вытачиваешь, паяешь...

- Пап, ты и сейчас молодой, иди там поделай что-нибудь.
- Надо будет, сделаю!
- Надо будет, и я сделаю! – огрызнулся Артём.
- Андрей постоял, глядя на сына, видно, хотел уже уйти. Не ушёл.
- Тём, а чем ты ещё живёшь, кроме футбола, квадроцикла, своей компании, каких-то там мелких удовольствий?
- А что, мало? Да, квадрик, ребята, футбол, учёба, ещё кое-что...
- Это понятно, я о другом. Что внутри у тебя? Что-то должно гореть в душе...
- У меня такое горит! Выбежать на поле, получить пас от Месси, и вклепить в самую «паутинку», а ты бы гордился мной! Вот.
- Подарок хоть приготовил матери? Завтра день рождения.
- Я-то приготовил... – Артём развернулся к отцу, и хитровато спросил его: – Пап, а куда это ты ходил? Целый час тебя не было. И, кажется, я догадываюсь...
- Ладно, смотри свой футбол.
- Артём рассмеялся.
- Надо было раньше спросить тебя, не приставал бы.
- А если скажу, что ходил туда, в эту баню, то что? Или ты просто так спросил?
- Можешь не говорить.
- Тебе всё равно?
- Вообще, говоря, интересненько, – опять отвлекся Артём, – и даже очень. Кто только ни побывал уже там...
- Что ж сам не сходил? Казак бы тебя пропустил, кореш твой.
- Нет уж, я пока воздержусь.
- Почему?
- Ещё нарвёшься на какое-нибудь повеление, типа: иди, исполни то-то и то-то... Нет уж!
- А мне сказал. Правда, я сам просил.
- И что сказал?
- Андрей присел на диван рядом с сыном.
- Может, выключишь?
- Артём нажал на пульт и телевизор погас.
- Андрей оперся руками в колени.
- В общем, я спросил, чем человек, ну, то есть, я, должен жить, чтобы эта жизнь не казалась пустым занятием, когда живёшь, как по инерции, по привычке, потому что все также живут и я тоже, а ради чего всё это? Ради чего?!
- Ну, ты титан, батяня!
- Подкальываешь?
- Да нет. И что тебе сказал этот Иисус? Ради чего?
- Ты говоришь, «этот Иисус», я бы посмотрел на тебя, если бы ты побыл с ним один на один! И что бы ты потом говорил.
- А какой он? Как на иконах?
- Иди и посмотри. Сразу поймёшь.
- Уже понял. Так ради чего надо жить?
- Ради великого, неземного, ради единственной цели!..
- По лицу Артёма скользнуло разочарование.
- Ради рая! – рубанул Андрей. – Ради рая! Жить по правде, и жить в душе раем!..
- Каким раем? – не понял Артём.
- Небесным, каким ещё!
- Ты серьёзно?

– Там уже столько людей, Тёма, тысячи, сотни тысяч и больше! не хуже нас, он так и сказал. Они смогли, а мы нет?

– И ты в это веришь? – Артём, похоже, вконец расстроился.

– А ты нет? Тогда сними-ка свой крестик, сынок, с этим не шутят.

– Я верю в Бога. Но, когда говорят о рае... я боюсь, что ничего такого не существует, что это просто такая мечта. Тебе не приходило такое в голову?

– Э, нет, шалишь мальчик, это мы уже проходили. Это для тех, кто верит в абсурд, по которому надо всю жизнь за что-то бороться, страдать, добиваться чего-то, а потом хлоп! и нет ничего, так, что ли?

– Пап, ты меня удивляешь...

– А тебя не удивляет, что есть этот мир, хотя он совсем не обязан быть? Ни по каким «законам природы» не обязан быть, если вдуматься до конца, до упора, но он есть! Никакие атомы и никакие молекулы сами себя не производят, и сами по себе не соединятся ни в какие материи и тела, их должен Кто-то соединять, понимаешь? Не что-то, а Кто-то, и ради чего-то!..

– Между прочим, я тоже думал об этом, – вставил Артём, – поэтому я верю в Бога.

– Ну, да! Он-то всё и придумал, и дал всему этому быть, не знаю как, и никто не знает, но факт, что это произошло. А раз так, то все эти звёзды, вся эта земля, и весь этот мир – не фантом, не игра абсурда без высшей цели и смысла!.. Ты говоришь, что ты тоже думал, а почему ты думал об этом? Подумай...

– Почему? Не знаю, – сказал Артём, – просто подумал, натолкнуло что-то.

– Нет, мальчик, ты неспроста подумал об этом. Если весь мир это какая-то случайная штука, а жизнь – случайный как бы процесс, если всех, плохих и хороших, ждёт вечное, без конца и без края пустое ничто, ты бы никогда не подумал о другом – о том, что всё в мире продумано и имеет великий смысл и продолжение, но ты подумал об этом, потому что мир не абсурд! Разве не так, сынок?

– Ну, в общем, так, – согласился нехотя Артём.

– Абсурдная жизнь – ты представь – она не предполагает какого-то высшего осмысления, ей это ни к чему, или я не прав?

– Ну, прав, – всё ещё неуверенно сказал Артём. – Если честно, я бы раньше ни за что не поверил, что ты столько думал над этим. Ты никогда не говорил ничего такого.

– А я и не думал! Я тебе больше скажу, я только за какой-нибудь час до нашего разговора и допёр до всего, что наговорил тебе! Вот, как вышел от него из бани после слов его, что надо жить ради высшего и лучшего – ради рая, с раем в душе, так во мне и заработало это дело, мозги сами зашевелились, и всё пошло в голове как бы само собой складываться...

– И ты собираешься жить ради рая?

– Тёма, уже живу!..

– Это как же? Как ангел, что ли? – Артём, глядя на отца, не мог не расплыться в улыбке.

– Очень просто. Живи по правде Божьей, а не по какой-то другой, не желай и не делай зла, даже самого маленького, и все дела!

– А что, разве раньше это не приветствовалось, до твоего прозрения?

– Понимаешь, Тёмка, я жил одними заботами, одной житухой, пока не понял, что это не жизнь по большому счёту... Ну, не могу я одним только этим жить!..

– А теперь сможешь, да?

– Постараюсь. А главное, я хочу этим жить!

– Это правда, что он Иисус, ну, тот, что в бане?

– Иди, погляди.

– Но ты сам-то, что скажешь?

– Я в это с каждой минуты всё сильнее верю. Почти на сто уверен.

– Почти, – повторил Артём. – Почему почти?

Под Андреем Михайловичем хрупнул, промятый жизнью диван.

– Сразу, сходу в это поверить трудно, это же не в то, к примеру, поверить, что бензин в два раза подорожал, в это легко, а тут не кто-то, а сам Иисус!.. Смущает, что он почему-то у нас объявился, в каком-то сельце, я понимаю, где-то в Москве, в столице, или там на горе какой, на облаке!..

– Между прочим, он когда-то в довольно захудалом городке родился, да ещё в яслях с телёнком и осликом, – блеснул познаниями Артём.

– А действительно! – подхватил его батька, Андрей Комонь.

Село Галелеево делилось на две основные, но не равные улицы: на верхнюю, по пологому холму, Первомайскую (бывшую Ильинскую), и на более протяжённую нижнюю, параллельно речному берегу, Ивановскую. Обе улицы соединялись тремя поперечными проездами (а прежде – прогонами, по которым выгоняли и загоняли скот). По ещё бытовавшему в народе преданию, Ивановскую до революции населяли сплошь одни Ивановы, но теперь с этой фамилией жили всего в трёх домах, зато, словно по какому-то негласному сговору, начиная с девяносто пятого года прошлого века всех новорожденных мужского пола на этой улице стали крестить Иванами. Кто-то связывал этот факт непосредственно с датой пятидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне, по-крайней мере, других весомых причин не подбиралось. Совсем немного народилось Иванов за это время, как и по всей Руси, но что отличало галелеевских Иванов, так это чуть ли не зеркальное сходство их судеб.

Старший из них, Иван Шевардин, родившийся как раз в девяносто пятом (прозванный Бурым за цвет волос, драчун ещё тот), вернулся простым солдатом из армии, но нигде не мог удержаться, ни в милиции, ни охранником в частной фирме, и в ноябре 2016-го ушёл на войну в Донбасс.

На год младше его, Иван Сукно (известный среди пацанов, как Гнутый, из-за характерной с виду приплатнённой сутулости, но при этом жилистый и выносливый), отслуживший свой срок в сапёрной роте; ходил по селу неприкаянно праздный, – то с поллитрой, то с бутылкой пивной, заливая измену Алёны Крестьяниновой; валялся кулём в пыли придорожной огороде... но вскорости оклемался, и никому не сказав ни слова, вслед за Бурым подался туда же, в Луганск.

Не успели опомниться после Гнутого, обрубившего здесь концы, как и третий Иван – Махнов (он же, понятно, Махно; румяный красавчик, качок), родившийся на полгода позже Гнутого, отправился воевать за Донецк, причём, сразу из армии, десантником-дембелем, отличником по рукопашному бою, даже не заехал проститься ни с мачехой, ни с отцом, с которым не ладил последние годы.

Так лишилось село всех взрослых Иванов.

Остался самый меньшой из них, Иван Степанов (появившийся на белый свет вместе с первым снегом – в ноябре 2018-го), которого и привела с собой в баню бабка его, Екатерина Петровна Казанская, с трудом ходившая из-за одышки и стенокардии. Их без очереди пропустили. Фёдор помог Петровне на крыльцо взобраться; усадил её с ребёнком за стол перед Иисусом, дал Ванюшке баранку и, неизвестно откуда завалывшегося в бане шахматного конька, поиграться.

Бабка села, и духа не перевела, заплакала, затряслась плечами оплывшими и затылком, платком прикрытом, а ребёнок сидел, улыбаясь тихо на конька... Фёдор помедлил, и вышел.

Кое-как подавив рыданье, стала рассказывать:

– Уж простите, такая беда у нас, что не знаем к кому идти, кому в ножки кланяться... Началось это всё с полгода назад, летом, какого числа сейчас не вспомню, день был погожий, птички пели, когда Ванечка наш впервые закаменел. Я в саду была, стирала под яблоней в тазике, он рядом бегал, возился с собакой Жулькой, вдруг подбежал и застыл предо мной; гляжу, побелел совсем, как мертвец, и упал солдатиком на спину. Я к нему, хочу поднять,

посадить, а он весь, как каменный, лежит не двинется! я из сил выбиваюсь, не могу от земли оторвать, такой неподъёмный стал, будто взрослый мужик. Кричу, зову дочку, мать его, и отца его, а они и не слышат ничего, опять сцепились, орут на весь дом, готовы убить друг друга! Я туда, говорю, идите к Ваньке скорей, смотрите, что с ним!.. Ну, подбежали к нему, он лежит белый, все ему: Ванечка! Ваня!.. Бросились «скорую» вызывать. Зять мой, Алексей, с Юркой соседом кое-как донесли его до кровати, такой тяжёлый был. Решили самим на машине везти, «скорая»-то неизвестно когда прибудет. Пока все бегали – кто собирался, кто переодевался, кто за машиной, а Ванюшка наш не крыльце стоит: сам встал да и вышел, и стоит смеётся. Все снова к нему, Ванечка! Ванечка!.. Ощупываем, он мягкий, обычный, как был, не твёрдый совсем, и ходит сам, вроде никакой болезни. Но с того дня говорить перестал совсем, ни словечка, ни звука, ничего. Кому только ни показывали, куда только ни возили его к врачам, все руками разводят. Тогда это первый раз с ним случилось.

Петровна промокнула глаза платком, скомканным в её кулачке. Ваня мирно сидел, рассматривая шахматного конька, и, казалось, не понимал, о чём говорят здесь.

– Вот такой он у нас, – сказала она, – то ли слышит, то ли не слышит, то ли понимает, то ли не понимает, а что у него там в голове никто не знает. Сам по себе живёт. Правда, послушный, покажешь, как надо, всё сделает. Раньше-то он мне что-нибудь расскажет, спросит о чём-нибудь, мы и пели с ним вместе про рябину, про Антошку, всякое. Теперь молчит совсем. Не хнычет, упадёт или ударится обо что – не плачет. Второй раз с ним случилось, это уж я запомнила тот день, потому что зять Алексей уходить собрался совсем. Так они разругались, такой крик стоял, он говорит, всё, достала ты, такая этакая, ухожу! она ему, да уходи, куда хочешь, сволочь такая!.. Мирить их напрасный труд, знаю уже. Я на кухне была; Ванюшка у калитки в песочке с Димкой играл соседским. Выскочил Алексей с большой сумкой, подошёл к калитке, и застрял там, вижу, и сумку бросил. Я, как сердцем почуяла, подбежала к ним, а Ванюшка опять лежит, как камень, белый совсем. Всё, как в тот раз было. Перепугались все. Дочка с Алексеем повезли Ванюшку в больницу, часа четыре их не было. Гляжу, приехали, выходит Ванюшка, обычный, ласковый, сели все ужинать, всё нормально. Потом третий раз случилось, это когда уж я сама уезжать собралась в свою комнатку в Серпухов: довела родимая дочка, взъелась за то, что я на кухне перестановку сделала, и обои не такие купила, с ней не посоветовалась, орала, будто я вместо её себя хозяйкой поставила. В общем, покидала я вещички свои в тележку, пошла с Ванюшкой проститься в его комнатку, а он на полу лежит, как мёртвый. К утру только обмяк, зашевелился, отошёл понемногу. Я уж никуда не поехала, всю ночь над ним просидели, помирились с ней... Последний, это уже четвёртый раз случилось, когда они, дочка с зятем Алексеем окончательно развестись решили, уже не ругались, не рвали глотки, договорились на следующий день пойти подать заявление на развод. Ванюшку уже спать уложили, всё спокойно было. Проснулись, а он холодный камень совсем, ни живой кровинки в нём! Лежит, глазки закрыл, как умер. Думали, что теперь конец пришёл, хоронить собирались. Алексей весь чёрный с горя, у дочки приступ сердечный, тут уж не до развода. День прошёл, он в кровати, как в гробике, вдруг влетает огромный шмель и жужжит над ним, мы с зятем давай отгонять его, я глянула, а у Ванюшки щёчки порозовели, говорю, Лёш, смотри-ка, у него щёчки розовые! К вечеру он уже пальчиками шевелить начал. А уж когда он опять ходить стал, мы от счастья себя не помнили...

Петровна всплакнула, но уже не так безутешно. Погладила Ваню по голове, и он подался к руке её, и прильнул к ней.

– С того страшного дня боимся не то что крикнуть, а резкого слова сказать, про ссоры с руганью и говорить нечего. Грешным делом, конечно, бывает и раздражение у кого-то, и недовольство своё кто-то выскажет, так тут же бежим к нему – как наш Ванечка, что с ним? Вот уже третий месяц пошёл, как ничего такого ужасного не повторялось с ним, но живём, как по струнке, иной раз того и гляди сорвёмся! Иногда и сомненье берёт, может, не от того эти

его припадки были, а просто совпало так? Может, всё же болезнь у него? Говорят, есть болезнь такая, «каменная»...

Петровна впервые открыто посмотрела на Иисуса.

– Помогите нам, вы же можете. Я человек верующий, Ванечку крестила, ему ещё годика не было, отнесла его в храм сама. И в вас верю, то есть, вам верю, не знаю, как правильно говорить: в вас или вам?.. Помогите, помилуйте! Вы же видите!..

– Ничем не могу вам помочь.

– Почему? Как же так?! – прошевелила губами Екатерина Петровна. – Почему, Господи? – повторила уже полным голосом. – Вы только скажите, что нужно сделать, мы на всё пойдём, лишь бы с Ванечкой эти ужасы не повторялись, лишь бы не каменел! Ведь это болезнь, ведь это такая болезнь очень редкая, нас никто не вылечит от неё, никто, кроме вас! Вы же главный, вы же Христос наш! Помогите, пожалуйста!..

– Это не болезнь.

– Не болезнь? Как не болезнь? А что же тогда?.. Что это может быть? Зачем это с ним?..

Она продолжала спрашивать, говорила почти одними вопросами, всё взволнованней, и всё меньше нуждаясь в ответе на них, не заметив, что уже рассуждает сама с собою:

– Если действительно болезнь не причём, и нет никакой болезни, значит, что-то другое? А если сглаз? Может, его кто-то сглазил, околдовал?.. Нет, не похоже, ведь он уж считай сколько времени не падает, не каменеет... Такого и сглаза-то нету. Значит, если не сглаз, не болезнь, значит, что-то особенное. А вдруг это знак такой на Ванечке нашем? Для кого, для чего?.. Знак посылается людям, чтобы они что-то поняли, так ведь? А что мы поняли?.. – Екатерина Петровна замолчала, уставясь куда-то перед собой... – Что мы поняли? Ну, коли на то пошло, мы кое-что поняли... Ой, как поняли, очень даже поняли!.. – стала она раскачиваться, словно старая ель под ветром, – ой, многое, многое поняли, Господи!..

* * *

Пришёл к Иисусу известный и за пределами Галелеево Паша-Каин. Павел Григорьевич Голеницын. Мужик вроде тщедушный, но крепкий, а главное колкий на язык, уж коли не в духе – лучше не подходи к нему. Люди, знавшие Пашу-Каина, в его ещё детские годы, уверяли, что уже тогда его лицо начинало приобретать черты старичка-хитреца с выражением не ехидной насмешливости, и с тех пор мало чем изменилось, ну, разве что пожестче теперь.

Родился он в городке, некогда металлургическом, Вотчинске (ныне прозябающим без всякого производства), что отстоит в сорока километрах от Галелеево по Московской трассе, в нём и обрёл своё прозвище «Паша-Каин». А всё из-за того, что совершенно того не желая, выдал милиционерам своего старшего брата Толяна, обокравшего на вокзале инвалида войны: направил «ментов» в другую сторону – на развалины церкви, – вот там-то и повязали Толяна, отчего-то сменившего своё прежнее место укрытия, а Пашку ещё и похвалили за помощь правоохранительным органам. Брат его так и сгинул в колонии от туберкулёза. И сколько Пашка ни оправдывался, ни доказывал с бешеной яростью свою невиновность, но получил-таки эту чёрную кличку «Каин», которая и в село перебралась с ним, с которой и жил, как с родимым пятном, как с печатью на имени. Язвительный нрав его, во многом следствие той истории с нечаянной выдачей брата, между тем, ни чуть не препятствовал его заслуженной славе героического храбреца, – и это несмотря на его весьма скромные физические показатели. Одним из самых ярких эпизодов Пашкиной отваги был без сомнения случай из его подростковой юности.

Городок Вотчинск делился по некой старой народной традиции на два отчего-то враждующие с незапамятных времён района: Заводской и Пролетарский (они же, в царские времена, рабочие слободки: Гурьевская и Троицкая). Паша, по факту проживания, принадлежал к «пролетарке». Как-то раз, в одну из по-летнему отрадных суббот, пролетарские подкарау-

лили у стадиона с дюжину заводских пацанов, и, хорошенько отделав их, гнали аж до самого кладбища. Столь чувствительнейшая обида требовала от заводских не менее внушительного ответа. Спустя несколько дней, заводским удалось собрать своих отборных бойцов и двинуться прямо на суверенную территорию пролетарки, однако, прочесав её всю от и до, противника не обнаружили: так уж вышло, что именно в этот, томительно жаркий день, вся пролетарская рать загорала на пляже в пяти километрах от Вотчинска на реке Саже. И тут-то заводские наткнулись на Пашу-Каина, в одиночку пинавшего мяч на полянке у гаражей (не любил он купаться по причине телесной невзрачности), и вся их кипящая злость, искавшая жертву своей досаде – достались сполна ему одному, на его незавидную долю. Они окружили Пашу, – хищная воронья стая против тщедушного замухрышки-воробышка, – в злорадном предвкушении его унижения, его жалкой дрожи от ужаса, его слёзного моления о пощаде. Но не дождались. На вопрос: «Куда все ваши попрятались?» он, прищурившись от дымящей сигарки, ответил им, ничуть не вибрируя конечностями: «Вас всех сразу положить здесь или по отдельности?» Его долго пинали и били за столь неслыханную наглость и столь выдающуюся дерзость и удаль; он катался, как спущенный мячик – по траве, по земле, по асфальту (ещё и отмахивался!), и, наконец, оставили его, распластанного, с выбитыми зубами, перебитыми носом и рёбрами. Месяц он отлёживался на больничной койке, а когда немного поправился, пошёл провожать до дома девчонку, с которой в той же больничке и познакомился, жившую, как нарочно, в заводском районе; его сразу узнали и... не тронули.

За свой язык ему неоднократно перепало, но Паша-Каин был верен себе. Семьи он так и не обрёл своей, хотя попытки делал, но не сложилось, да и кому бы, доведись такое, ужиться с этим перцем?

Попрепившись по поводу места в очереди с Фёдором, предупредившим его, что если начнёт распускать язык, то будет удалён в момент, и, оплатив на это фирменной ухмылкой, Паша-Каин, войдя в предбанник, подошёл к столу, и стал в упор рассматривать Иисуса...

– Вроде как похож и не похож... – говорил он с прищуром. – Неужто, Христос в натуре?.. Молчит. Смотрит. Может, и впрямь? Ну, здрасьте.

Фёдор с крыльца прогудел в приоткрытую дверь:

– Ты давай говори по делу, не устраивай тут!

– Федь, я тебя из рогатки стрелять учил, а ты подслушиваешь за мной, грех ведь, – попеял ему Паша-Каин. – Не трепыхайся шибко, всё будет в норме.

И дверь закрылась плотно, пискнув.

– Ты что хотел? – спросил его Иисус.

– Я сяду, ладно? – Паша-Каин сел на лавку. – Что я хотел? Поговорить, конечно. А то когда ещё приведётся вот так с Христом... Хотя, я не особо верю в эти сказки, мне всё равно – что бог, что чёрт, я с ними никогда не знался. Ты Христос? Пусть так, допустим.

– Ты сказал.

– Кто сказал, неважно. Я Паша-Каин, ты Христос. Договорились? Мне очень, очень любопытно, и я сюда пришёл не просто так, поскольку знаю, что такое жизнь, я ею нахлебался, но есть вопросы у меня. К тебе.

Паша-Каин, зачем-то выждал несколько секунд, и выдал:

– Только уж давай, я буду спрашивать, а ты ответь. Согласен? А если против, и не хочешь говорить со мной, тогда вон крикни Федьке, он меня отсюда выставит в два счёта. Так ты согласен?

– Говори.

– «Говори», позволил мне Христос! А я скажу, мне есть чего сказать... – он положил локти на стол, и спросил: – Ну, что, поглядел ты на нашу житуху, Иисусе? И как тебе? Не муторно? Иль всё, как надо?..

– Что именно?

– Что именно? А то именно, как люди живут – вот это. То, как мы тут все, я русских имею в виду, по уши в дерьме торчим, как ездят все на нас; как мы пред всеми виноваты за то, что всех кормили и спасали, теперь они над нами командиры; как на своей земле мы все рабами стали и должниками... А может, нам другого не дано? Ты скажи, может, всё так и задумано у вас, ну, там, у Троицы на Высшем, так сказать, совете? Я ж не знаю! Я кто? я Паша-Каин, когда-то кончил горный техникум, бывал маркшейдером в забоях, бывал в запоях, я тут у нас все шахты знаю в округе; сейчас на пенсии, вот время появилось, чтоб посмотреть на всё, на эту вот затею вашу под кодовым названием жизнь... и с каждым днём всё больше думаю: на кой нам хрен она такая, какую нам назначил Бог, где русский – самый проклятый народ? Я много прочитал и передумал, и с мужиками про всё про это говорено и выпито без меры!.. Ты думаешь, с чего водяру русский глушит в таких количествах? Я тебе скажу сейчас, послушай. С того, что жизни нету настоящей на Руси для русского простого человека, и некуда ему деваться, ведь он не жид, чтобы мотаться по всему по свету, искать, вынюхивать, где плохо у кого лежит и можно поживиться чужим добром, а потому – где присосётся, там и родина ему, а коли что стрясётся, подхватится и переметнётся, но мы не как они. Мы русские, за что вы с нами так?! Мы на своём хребту такую прорвищу земли подняли – от океана и до океана, мы столько войн перенесли, зубами свои победы вырывали, костями ложились, чтоб жила Россия, и чашу бед, которым нету дна, никак не выпьем до конца! Мы жилы рвали, чтобы рядом с нами не горевали те, кому мы сопли утирали, кого вынынчивали и обучали, с себя последнее снимая, себя не чуя... и всё никак не оставляют нас несчастья, всё лезут, всё не слезают с нас, за что?! Какой ещё народ такие жертвы приносил за право жить, жить этой скудной жизнью – за её скупой глоток?.. – Паша-Каин надвинулся на стол всей впалой грудью, – ты зачем сюда явился? В грехи нас носом тыкать, как щенков? Или утешать? Я вижу, ты не грозный, вижу, смотришь на меня такого по-человечески. А может, я тут зря наехал на тебя, может, от тебя всё это не зависит? и Бог тут ни при чём? Тогда прости, прости, что вырвалось, что я, как зэк чахоточный выхаркнул кровяной правду-матку! Я ж не злой мужик-то, спроси хоть у кого, хоть вон у Федьки, да, противный, поганый на язык бываю, но не паскуда и не конченная мразь. Мне, дураку, невыносимо, что от дурной судьбины на русском теле уже живого места не найти – всё рвут и рвут на части! Так мало этого, ещё и душу убивают, травят ядом отчужденья самое, что есть в ней дорогое – простую нашу доброту и милость к людям, а без этого русский человек уже не русский! Друг друга стали презирать и предавать спокойно, уже привыкли не по-русски жить, уже живём, уж многим кажется, что так и надо!..

– Ты спросил, зачем я здесь, – произнёс Иисус.

– Спросил, и жду.

– Я пришёл, чтобы спасти русскую душу.

Паша-Каин оторопело смолк.

– Это правда?.. – видимо, потребовалось как-то переварить услышанное. – Заява, конечно, мощная, ничего не скажешь. Что ж ты раньше не приходил, чего ждал? Ждал, пока мы тут дойдём до последних судорог, что ли?.. Ты прости, что я вот так с тобой, ну, в общем, грубовато говорю. Наверно, нервничаю. Я ж не знаю, как это полагается с Христом, но на коленях точно не смогу, и с придыханьем тоже, я ж в церковь не хожу почти, хотя, крещёный. Говоришь, русскую душу спасти пришёл, эх, милый! – можно я так скажу? Эх, милый, да кабы так, да кабы бы можно ещё спасти!.. Уж не знаю, как ты задумал, и возможно ли такое чудо, но вот перед тобой на этом месте клянусь, коль Паша-Каин будет нужен – кем угодно, хоть, котелком, хоть, веником, хоть зубочисткой, я готов! а Федька знает, где меня найти...

* * *

За эти дни сюда в жилище Иисуса кто только ни приходил из местных, и с чем только ни приходили.

Была у него Лариса Михайловна Ситная из молочного цеха, просила вернуть ей возлюбленного, который во время их совместной поездки на теплоходе ушёл с экскурсией в городе Камышин и не вернулся, а её с утра укачало, и она не смогла пойти с ним, а он пропал вместе с дамочкой из соседней каюты, «и как теперь жить мне, я же семью с ним хотела, всё приготовила к брачной жизни, купила кровать двуспальную, постельные комплекты, посуду новую, скатерть на праздники с вышивкой, детский стульчик, рубашечки всякие для ребятёнок – ведь были бы! а себе и ему сапоги и ветровки импортные, чтобы по грибы ходить или у костерка вдвоём...»

Ушла безутешна.

Была и Галина Ивановна Есаулова, дородная женщина, заведующая лабораторией в поликлинике соседнего городка Глебова. Привела с собой мужа Игоря Степановича, тоже Есаулова, явно растерянного, если не сказать, испуганного, вина которого в том, что «был мужик, как мужик, а тут второй уж год строит в сарае у нас за прудом эту квантовую, ну, смех и грех! гравитационную машину времени, он мне о ней все мозги проел, – посмотрелся фильмов этих научных по телеящику, книг накупил, все деньги переводит на свои железки с проводами и на зеркала, и ради чего придурок строит-то! спроси его, Господи, кому и сказать такое: для того, чтобы, значит, попасть в Киев, прямо в 1911 год, в оперный театр, и не дать эсеру Багрову совершить убийство Столыпина – сохранить его для царя и России, чтоб довести до конца все реформы, а дальше, живой не убитый Столыпин не допустит ни заговора, ни революции, и Российская империя не рухнет, – вот какую дурь он себе в башку забил, и ничем её не выбьешь оттуда! По врачам его водила, вся родня его уговаривала, не будь посмешищем, не позорься! а ему – как горох об стенку, ничего действует!.. Господи, ну, скажи, хоть, ты ему! Никого ведь не слушает, обалдуй, может, тебя послушает!» Сам же потенциальный спаситель Отечества на протяжении речи своей супруги, стоял, с виду поникший, но угадывалось, что ни пяди не отступит от своей затеи, и на вопрос Иисуса: уверен ли он, что Столыпину, спасённому от пули в Киеве в 1911 году, удастся избежать своей смертельной участи в более поздние годы, и дожить до Февральских событий? – ничего не ответил ему, но вроде, что-то вздрогнуло в нём, и был уведён женой в досадной задумчивости.

Побывал в этой бане и бывший начальник паспортного стола, а ныне рядовой пенсионер, Гарик Тимурович Мухаметзянов, по прозвищу Гиря, и, будучи не говорлив по натуре, войдя, смущённый, всё никак не проходил к столу, стоял у двери минуты три, не меньше, и вдруг заговорил, – как в прорубь головой, – что болен раком, что вырезали почку... вторая тоже скоро... что таких уже в больницу не берут, да и не хочет он... что дом он не достроил сыну, студенту ВГИКа, что жить уже не долго, но... но если можно, если только это можно – продлить до смерти года полтора, а больше и не надо, ему бы этого хватило, ему бы только всё успеть для сына сделать!..

И был ему совет: закончить прежде с куда наипервейшим неотложным делом – креститься в истинную веру, да не откладывая, не опоздать бы.

Также были замечены заходившие в баню и другие граждане, а конкретно: Аким Иванович Скоблев, – тот, что прославился со своим колодцем; Надежда Кунгурова, особа яркой наружности, незамужняя парикмахерша, содержащая на иждивении двух престарелых родителей и ребёнка-дауна; Елизавета Юрьевна Черепанова, молодая спортсменка, член известной гандбольной команды. А, кроме того, были двое из соседней, – с другого берега, – деревни Голофеево: старуха, баба Даня, она же Дарья Ивановна Оксакова, некогда знаменитая на весь

район ветеринарша, а теперь одинокая, как старый, отслуживший своё телеграфный столб, всё ещё косо торчащий над полем; также, Алексей Алексеевич Приказчиков, по прозвищу Лока, – по причине беззаветного пристрастия ещё со звонкого футбольного малолетства команде «Локомотив», – однорукий мужик-инвалид, угодивший на своём мотоцикле в аварию, а до этого – отличный электрик был, озорной, безотказный...

И кто-то выходил из бани в настроении, мягко говоря, нерадостном, а кто-то, лыбясь, как блин на Масленой...

* * *

Субботняя служба в Ильинской церкви началась почти ровно в восемь. Утренний, по субботнему редкий, народец подходил-подъезжал, здоровался со знакомцами, в основном норовил подгадать непосредственно к самой литургии, но были и, по выраженью батюшки, «ранние пташки». Входящие тут же умеючи осеняли себя крестным знаменем, также умеючи кланялись, шли приложиться к святому образу на аналое, после чего разбредались по лично чтимым иконам; хлопотали насчёт записочек «за здравие», «за упокой». Кто-то из хора часословил бойким, хорошо поставленным женским тенором, казалось, словесная чёткая дробь псалмов и частых славословий сыпалась прямо из воздуха калиброванным бисером, и скакала по лавкам, по полу, по головам, по плечам и спинам... Свечей язычки, колеблемые от поклонов и проходящих мимо, уже трепетали на каждом подсвечнике – где скупо, где густо. И храм взирал из-под купола на присутствующих, на их благообразные стояния и блуждания...

О том, сколько лет этому храму точно никто не знал, но среди коренных обитателей ещё жило предание, что век его появления исходит аж из той домонгольской ещё Руси, и под тем же именем – огненного пророка и духовидца Ильи, особо почитаемого у русичей, внимающих лику небесному. Думается, изначально был он сложен из гулких дубовых венцов, небольшой и не тесный однокупольный терем с высоким крыльцом под дощатой еловой кровлей. Облик его менялся не раз, но ангел его стоял и стоит донныне недвижим до грядущего вселенского трубного гласа о том, что Бог прекратил годить, и скончались все лета, года и сроки. Стройный свой каменный вид в духе русского классицизма храм обрёл во время правления Екатерины и екатерининских мужей-исполинов, когда у этих окружных сёл и деревень с их обширными землями, появился новый владелец, камергер императорского двора Никита Андреевич Байсаров, человек в быту довольно бурного склада, однако, при несколько нарочитом высокомерии с крепостными, не лишённый отзывчивости и снисходительности; он-то и зазвал сюда знаменитого архитектора, по проекту которого (не столько за мзду, сколько просто из дружества) была возведена на месте старой разрушенной новая церковь, но с прежним именем. Следующим, приложившим руку к её украшению, стал мелкопоместный дворянин, в посеребрённых от службы баках, Иван Аркадьевич Курлятьев, верней, не столько сам, сколько его юная обожаемая супруга, по настоянию коей, им были наняты умельцы резчики из Конотопа для обрамления царских врат, а также всего четырехъярусного иконостаса с последующим золочением, для чего потребовалось заложить часть имения и драгоценности. Были и другие владельцы-помещики, но в отношении церкви ничем особенным не отметились. Последний благодетель храма, купец второй гильдии, Ипатий Авдеевич Конопатов, в сугубую от сердца благодарность за разрешение от тяжкого бремени старшей дочери, едва не стоившего ей жизни, а кроме того, и счастливое рождение внуков, отлил стопудовый колокол (не пожалев всего что было серебра), и поместил его на укрепленный, кстати, верхний ярус колокольни.

На этом благодетели иссякли.

Зато, с нахлынувшим вдруг штормом революции, принесло на Русь, неведомо из каких народных толщ и глубин, неких особых людей из породы непримиримых. Вот подобного им калибра, и забросило в эти края трёх братьев Колтыхиных. Старший Колтыхин (которому

несколько суток без сна – что выпить слегка) возглавил добринский отдел ГубЧеКа; средний Колтыхин, самый из братьев злопамятный, занял место председателя галелеевского сельсовета после убийства предшественника (излишне рьяного), разъятого на куски крестьянскими топорами; младший Колтыхин стал первым редактором уездной газеты «Пламя» (что вполне логично в развитие ленинской «Искры»), он же, по совместительству, а, может, и в дополнение к собственному горению, взял на себя роль вожака местной объединённой комсомольской организации в Добринском и Глебова со всеми окрестными их ячейками.

Все трое, хоть всяк по-своему, были отмечены в истории Ильинской церкви, впрочем, сие им дорого стоило.

Младший Колтыхин, при весомой поддержке братьев, загорелся идеей (аккурат к пятилетию «Октября») превратить Божий храм в молодёжный клуб и агит-театр. По этой веской причине, решили для начала скинуть большой конопатовский колокол. Четверо забрались на верхний ярус, в том числе, средний и младший Колтыхины; старший командовал молчаливой гурьбой мужиков, взявшихся за канаты. Только несущая балка отчего-то лопнула, и сорвавшийся колокол всем своим стопудовым туловом рухнул на всех четверых, стоявших под ним: одного придавил насмерть, другому покалечил по локоть руку, младшему Колтыхину расплющил обе ступни – он верещал от боли раздирающим душу фальцетом, а средний был невредим, отделавшись крупной дрожью. Старший из братьев на первой попавшейся лошади пустился вскачь за помощью, и на своё несчастье перехватил на шоссе машину местного партийного начальника по фамилии Поливанов (настоящая – Гольцман), но вместо понимания натолкнулся на категорический отказ и отборную брань, что послужило к ответным мерам: товарищ Поливанов под угрозой нагана был лишён персонального автомобиля, избит, изничтожен, и назван «жидом поганым». Колтыхин-старший, подъехав к Ильинскому храму, среднему брату сунул в руку топор со словами: «Руби и спускай его!» Ступни обрубили, и младший Колтыхин в окровавленных тряпках был доставлен в уездную больницу, где на третьи сутки умер в муках и бредовой горячке от заражения крови. В тот же день чекист Колтыхин, гроза бандитов и прочей сволочи, предстал перед Ревтрибуналом не столько за самоуправство и рукоприкладство в отношении однопартийца, сколько за «великодержавный шовинизм и антисемитизм», и отправлен на Соловки для надлежającego перевоспитания. Средний брат, между тем, приспособил храм под склад колхозного инвентаря и частично под архив сельсовета. Колокол всё-таки сбросили, и обломки его в одной гряде с серебряными окладами от икон увезли в Москву, за кремлёвские стены, однако, саму колокольную не трогали до поры, до времени.

Куда и кем по специальности был направлен старший Колтыхин после отбытия срока в Соловецком лагере покрыто тайной, но однажды, неожиданно нежданно, рваной свистящей осестью тридцать седьмого года, он объявился в качестве сотрудника госбезопасности и в должности начальника отдела НКВД по Глебовскому району. Ходил слух, что этому назначению поспособствовал в немалой степени и факт ареста его рокового недруга товарища Поливанова (с последовавшим расстрелом) по делу Троцкистско-Зиновьевского «Объединённого центра».

В годы войны старший Колтыхин был командиром партизанского отряда, созданного организационной энергией обоих братьев, и скоро фашистские транспортные колонны и эшелоны горели и опрокидывались на обочины железных и прочих земных дорог.

Под сводами Ильинского храма оккупанты хранили боеприпасы и бочки с горючим; по этому случаю, средний Колтыхин вызвался лично закидать гранатами этот фашистский склад. На окраине села был он схвачен и брошен в застенки глебовского гестапо. Но старший брат вырвал его из вражеских лап: слившись с ночным неистовым ливнем и грохотом бури, силами дерзкой опытной группы – прямо в центре Глебова проникнет, изрешетив свинцом всё движимое и видимое, в подвал гестапо, и вызволит брата, – его, чуть живого от пыток, переправят в столицу вместе с другими спасёнными.

Средний Колтыхин вернётся после войны всё таким же непроницаемо скрытым, но уже без правой ноги. А старший погибнет, уведитя фашистских карателей от лагеря партизан: отстреливаясь в одиночестве, окружённый со всех сторон, он не поднимет рук, просто выпустит пулю себе в висок. Средний же смог во главе галелеевского колхоза дотянуть до хрущёвских времён, тех самых, в которых опять закрывали храмы. Ильинская церковь с её прослужившим с сорок четвёртого года священником-настоятелем также попала под каток антирелигиозной коммунистической пропаганды, чему был сдержанно рад Колтыхин-средний. Злая память толкнула его, не жалея ни хромоты, ни почтенного возраста, забраться с двумя подельниками на колокольню: подрубить ненавистный ярус, где когда-то висел конопатовский дар, убивший Колтыхина-младшего, но урок повторился. Сверху рухнуло перекрытие, придавив, как мух, всех троих. Как будто намеренно, стояло ненастье, и единственный способ извлечь тела посредством машины-крана запоздал на неделю из-за полного бездорожья. Так и висели... Свершилась кара Божья. Храм больше не трогали, оставили его в покое до нового открытия в девяностые годы.

От братьев до нашего времени, точнее, от их фамилии, осталась лишь табличка «Улица Колтыхина» в Глеbove, в честь старшего брата, героя и партизанского командира.

* * *

Отец Иаков приступил к Евхаристии. Он уже несколько раз, в том числе, на Великом входе, оглядывал всех стоящих в храме, но никого из посторонних не замечал. Всё шло, как обычно. Хор затянул «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим...» Он служил по привычке, отлажено, последовательно, возгласы вылетали из него плавно, возвышенно, руки делали всё потребное. На чаше с краю сидела муха, но он не смахнул её хотя раньше не допустил бы этого. Народ, попевая за хором, и борясь с разнобоем, подхватил «Отче наш...»

Перед выходом с чашей, отец Иаков приблизился к Царским вратам и посмотрел через прорезь орнамента на стоящих...

– Никакого Иисуса здесь нет, – сказал он себе под нос, и покусывая за ус.

Но только вышел на солею, как взгляд его, будто притянутый, прилип к фигуре, обозначившейся в притворе среди прихожан: бородатый коренастый человек в полу расстёгнутой куртке. Минуту назад ещё не было.

И вот он.

«Со страхом и верою приступите», – несколько торопливо возвестил отец Иаков, и прибавил соответствующую молитву. Все стоящие в храме, не так, чтобы разом, припали на колени в земном поклоне. Кроме Иисуса в притворе.

Пропуская вперёд детей и подростков, народ подтягивался к настоятелю с чашей. Отец Иаков причащал, не глядя на того человека, которого не мог не ждать, о котором, разумеется, не мог не думать с того момента, когда узнал о том, что он будет в субботу в церкви. Причастив последней скорбную грузную женщину с заплаканными глазами, отец Иаков удалился в алтарь.

Служба заканчивалась. Хор быстро допел положенное. Народ поклонился закрытым вратам и постепенно выходил из храма, застревая, кто у икон, кто у амвона, кто у свечного ящика, кто со знакомым.

Отец Иаков, приоткрыв боковую алтарную дверку, подозвал жестом матушку, болтавшую рядом с подружкой по хору.

– Выведи всех из храма, мне надо переговорить вон с тем человеком, – показал на Иисуса, сидевшего на лавке с какой-то книжкой в руках. – Чтоб ни единого не было!

– Это тот самый, что ли? Я прошу тебя, будь осторожен, сейчас полно неадекватов!

– Не волнуйся, я быстро, задам пару вопросов.

Через минуту храм опустел. Остались двое.

Настоятель Ильинской церкви подошёл к человеку, стоявшему уже без книги у прикрытых за ним дверей.

– С кем имею честь? – осведомился отец Иаков.

– Я Иисус.

– Послушайте... – отец Иаков прикрыл глаза и мученически вздохнул. – Послушайте, вы взрослый человек, зачем вам играть в эти игры?

– Я Иисус Христос.

– Настаиваете. Ну, что ж, очень приятно. Чем могу быть полезен?

– Ничем не можешь.

– Тогда зачем вы пришли ко мне?

– Я пришёл не к тебе.

Отец Иаков замялся. Разговор явно не складывался.

– Хорошо, – сказал он, – но я хотел бы поговорить с вами. Не возражаете?

– Не возражаю.

– Могу я узнать, о чём вы проповедуете тем людям, которые принимают вас за... то есть, тем, кто верит вам и вашему слову?

– Можешь, если поверишь, что я Иисус Христос, пришедший в сегодняшнюю Русь.

– Я не могу поверить в это.

– Не можешь или не хочешь поверить?

Вопрос, который заставил отца Иакова призадуматься. – Иисус, пришедший в сегодняшнюю Русь, то есть, Россию... – повторил он. – Не знаю, хочу ли я, но не могу, это точно.

– Тогда и я не скажу тебе.

– В Евангелии сказано, что многие придут под именем Христа, и будут говорить, что Христос там или Христос здесь, но не верьте им... Как же я могу поверить против Евангелия? Тем более, сказано, что Христос придёт на облаке с великим знаменем и силою многою, и станет судить народы...

– Сказано также: «Но Сын Человеческий, придя, найдёт ли веру на земле?» Он придёт на землю, чтобы увидеть, есть ли в людях живая вера.

Отец Иаков кивнул и сходу ответил:

– Это говорится именно о Втором Пришествии, и именно так толкуют это место святые отцы: что Христос на Страшном Суде обнаружит в тех, кого застанет живыми, почти полное отсутствие веры в Него.

– Ничего подобного! Это место говорит не о Втором Пришествии, а о посещении, об одном из посещений, в которых Он сойдёт не для того, чтобы судить, но для того, чтобы проверить состояние веры в людях, чтобы в чём-то помочь им в последние времена. При Втором Пришествии совсем иное, тогда уже не будет необходимости что-то искать или обнаруживать, ибо: «в чём застану, в том и сужу». Умейте же отличать Пришествие от посещения.

– Ну, что ж, интересная трактовка, – дослушав до конца, сказал священник. – Но согласиться с вами, увы, не могу.

– Потому что не хочешь допустить даже в мыслях.

– Ну, отчего же, можно и допустить, то есть, можно допустить чего угодно, вопрос зачем? с какой целью? С какой целью Иисус пришёл на Русь, в смысле в Россию... Почему именно в Россию? Почему именно сейчас, в этот год, в это время?... Ну, и так далее. То есть, можно, конечно, задаваться такими вопросами, но... – настоятель неопределённо повёл головой...

– Но лучше не задаваться, – договорил за него Иисус.

– Не вижу причины. В каждом времени свои проблемы и недостатки, а наше дело – служить. Я имею в виду священство.

– Служить чему?

– Служить Богу и людям. По мере сил.

– Служить Богу, значит, служить правде и истине.

– Что есть истина? – сказал, и тут же засмеялся отец Иаков. – Забавно вылетело, прямо, как у Пилата. То есть, я хотел сказать, что у каждого времени в чём-то своя правда и своя истина, притом, что высшая Истина, разумеется, неизменна.

– Каждое время болеет своей неправдой, которой служат, как правде, и выдают за сущую правду и этим губят миллионы душ.

– Да, мир в социальном общественном плане несовершенен, в нём много апостасийных и откровенно негативных процессов, это вы справедливо заметили.

– Я говорю не о мирском.

– О Церкви? Ну, что ж, – сказал без малейшей заминки священник, – церковные проблемы есть отражение мирских, ведь Церковь состоит из грешников. Есть негативные моменты и в Православии, и в Католической Церкви...

– Нет такой Церкви.

Стали слышны извне неясные голоса людей, судя по всему, их было немало...

– Ах, вот вы куда, – сказал, не поднимая взгляда, отец Иаков.

– Не я туда, а вы, – произнёс Иисус.

– То есть, вы о нас, о священстве?

– Если бы только о священстве, всё гораздо хуже.

Иисус направился к двери.

– Но скажите, по-крайней мере, что вы собираетесь делать?! – шагнул было за Иисусом отец Иаков.

– Спросите ещё, чем я буду ужинать. Я собираюсь делать, что должен.

* * *

Стоя на невысокой церковной паперти, Фёдор Опушкин, старался, как можно вежливей, сдерживать матушку Наталью, сильно взволнованную, видимо, из-за долгой задержки мужа наедине с тем подозрительным человеком. Группа её поддержки, уже откровенно не молодых, но всё ещё бойких женщин, требовала пропустить её внутрь:

– Да не волнуйтесь, там ничего плохого не происходит, просто беседуют. Скоро выйдут! – увещевал он в который раз, отвечая на выкрики.

– Что этому человеку нужно от батюшки?

– Почему вы нас не пропускаете, кто дал вам право?!

– Кто он такой, этот ваш Иисус?! Что он здесь воду мутит?!

– Уже совсем обнаглели, врываются в храм и творят, что хотят! Мы требуем пропустить нас! мы хотим сами увидеть, что там всё нормально!..

Помимо этой шумливой группы, перед храмом собралось не менее десятка любопытствующих галелеян, и таковых с каждой минутой прибавлялось всё больше.

Наконец, отворилась дверь, и вышел грустноватый человек, в котором некоторые сельчане узнали Иисуса из старой бани; остальные легко догадались. Всё стихло, словно по команде. Он остановился у края паперти, взирая молча на людей. И стало понятно: что-то должно сейчас произойти непременно, немедленно...

Но, вышедший следом отец Иаков, и поймавший взглядом всю сцену, поспешил объявить:

– Не слушайте его, это не Христос! Он сам назвал себя Иисусом, а настоящий Иисус Христос никогда не называл своё имя! Этот человек пришёл неизвестно откуда, пришёл, чтобы разрушить нашу жизнь, наш мир, наш порядок!..

– Давно пора, – сказал Паша-Каин неожиданно ровным голосом.

И никто не возразил ему.

– Он самозванец! – гнул своё батюшка. – Он хочет настроить вас против власти, против священноначалия, не слушайте его, он говорит неправду!..

– А пусть он скажет, – раздалось откуда-то из толпы, – а мы уж как-нибудь сами разберёмся, есть в нём правда или нет.

– Пусть говорит! – зычно прибавил Андрей Комонь, стоявший тут с сыном, под одобрительный гул.

Отец Иаков растерянно переглянулся с матушкой Натальей, но группа поддержки излучала неколебимую преданность.

Иисус же не упустил своего мгновения:

– Может быть, вы о чём-то хотите спросить меня? – прозвучал его голос.

– Если ты Иисус Христос, то почему ты пришёл к нам? – выкрикнул вдруг Артём, похоже, угадав с вопросом от всех присутствующих.

Но тот, кому он был задан, ответил:

– Я пришёл спасти русскую душу.

Казалось, каждое слово впитывалось, как в почву небесный дождь...

– Бог любит Русь-Россию, – продолжал Иисус, – но она больна, кровоточит душа её. Если русская душа погибнет, то исчезнет и Русь-Россия, а с потерей Руси-России мир потеряет равновесие, и силы тьмы опрокинут мир в бездну. Вот почему я пришёл к вам. Русская душа в своей чистоте – это евангельское дитя, это свет Божьей правды, милосердия и сострадания, без которых миру потеряет человеческий облик.

– Русская душа, как некий всемирный спасительный фактор, это ересь! – дрожащим от возмущения голосом встрял отец-настоятель.

– Ересь – это братание с еретиками и екуменистами, это предательство Бога и Божьих заветов, это отпадение от буквы и духа святых Вселенских Соборов, – ответил Иисус.

– Батюшка, а у тебя какая душа? – спросил Аким Иванович Скоблев.

– У меня? – настоятель не сразу нашёл, чем ответить. – У меня нормальная душа, не хуже других, то есть, не лучше... душа, как душа, – пытался выкрутиться отец Иаков, – не русская, не французская, у души нет национальности, для Бога нет ни эллина, ни иудея...

– Теперь понятно, какая, – сказала под, брызнувший разом смех, Валентина Белозерцева, бригадир фермы и солистка местного хора «Журавушка».

– Скажи нам что-нибудь, Иисусе! – выдал вдруг сельский молчун Василий Лукич Колядко, работавший приёмщиком на складе стройматериалов на глебовском рынке. – Мы здесь не пойми чем живём, за воздух держимся!..

– Это ты, Лукич, за воздух держишься, а мы друг за дружку! – весело возразил Валерка электрик, хохмач и бабник, подошедший в обнимку с курящей сигарету Светкой Баулиной, вчерашней выпускницей, покуда ещё не определившейся, а, может, уже определившейся с выбором жизненного пути; оба в блаженном подпитии. Их тут же одёрнули, и они, постояв, похихикав немного, отвалили своей дорожкой.

Скажи, а то с нами никто не разговаривает по-людски, мы сами по себе, начальство само по себе, так и живём! – донеслось от Олега Борисовича Говорова, галелеевского фельдшера (его фельдшерский пункт обслуживал с десяток оставшихся деревень, ныне дачных).

– Скажи всю правду! – с силой выдохнул Паша-Каин.

– А на проповеди вам что говорят, неправду что ли? – вступились за отца Иакова из группы поддержки. – Какую вам ещё правду нужно?!..

– Батюшка, он вроде всё правильно говорит, но как-то отдельно от жизни, – отвечала им внушительная по всем параметрам Галина Ивановна Есаулова. – Мы люди простые, но мы же не идиоты, мы тоже кумекаем, что вокруг делается, что нас обманывают на каждом шагу! Батюшка, – призвала она к отцу Иакову, – я же вас спрашивала, помните, почему мы видим, что мы, как народ, загибаемся и вымираем, а президент наш не видит, не видит, что с нами вообще

никто не считается?! И другое спрашивала: как нам голосовать за него идти, ведь он опять избираться хочет, а мне тут дочка снимки показала по интернету, где он там с еврейской кипой на голове у этой их «Стены плача», он кто у нас – православный или иудей? или он в какие-то игрушки играет? или ему всё можно? За это дело от Церкви отлучают, я сама читала, я знаю! Какой-то Хабад вокруг него вертится... Кто ж у нас Россией правит? И патриарх наш тоже отчебучил, с какого это... мы, православные должны признавать ихнего папу-еретика, который заодно со всеми этими нетрадиционными... этими разноцветными животными, извращенцами и педофилами, да ещё и Люциферу кланяется?! Ведь патриарх он не от себя лично целовался, он же от всей нашей Церкви с ним целовался, а нас он спросил?! Я ему такого разрешения не давала! Коли ему невтерпёж целоваться, пусть снимает с себя патриаршество, и нехай целуется до упаду!.. Вот я с этим подходила к вам, а вы что мне сказали?

Отец Иаков отреагировал с истинно спартанской выдержкой:

– Дело каждого православного, в первую очередь, это спасение собственной души. А за тех, кто поставлен Богом над нами, мы можем и должны молиться, у них свой ответ перед Господом, а у нас свой. И, кстати, Галина Ивановна, делу вашего личного спасения все эти высказанные вами претензии отнюдь не мешают! Ещё раз говорю для вас и для всех остальных: будем лучше смотреть на самих себя!

– Вот так и ушёл от ответа! – подвела итог Галина Ивановна вместе с поднявшимся гомоном согласных и не согласных.

– В общем, знай, своё место, холоп, не твоего ума дело, – пробасил Андрей Комонь, он же Камаз. – Дыши в две дырочки и не рыпайся!..

– Вспомните, что сказано в Евангелии, – произнёс Иисус, как только гомон ослаб. – «Слепые вожди слепых; если слепой поведёт слепого оба упадут в яму».

– Скажи нам правду! – выкрикнул снова Андрей Комонь, и едва ли не все стоявшие здесь поддержали его.

– Скажи!..

– Скажи про всё!..

Настоятель храма со словами: «я не намерен принимать участие в этом балагане», сошёл с паперти, и удалился прочь, как в шлейфе – с группой поддержки.

Народу всё прибавлялось, – по извечной человеческой слабости стекаться к месту всякого происшествия.

– А что случилось-то? – спрашивали подходившие.

– Сейчас правду скажут, – отвечали им.

И, действительно, Иисус поднял обе руки, прося тишины, и когда всё затихло, сказал:

– Настало время, чтобы вы, наконец, осознали, что происходит с вами на самом деле, куда вас ведут, и куда вы идёте, и каков ваш указанный Богом путь. Беда не в слепых вождях, а в том, что многие идут за ними. Ложь, предательство и обман правят миром, правят по прихоти отца своего, отца всякой лжи, всякого предательства и обмана, и этот отец их – диавол. Поэтому те, кто идёт против правды, против верности и любви, против целомудрия и красоты – все они служат ему, под какой бы маской не прятались. И не жалуйтесь на своих правителей. Русь-Россия, от начала двадцатого века до сегодняшних дней, нераскаянна! Тяжкий грех отречения от клятвы на верность царскому роду и царю-Помазаннику Божьему довлеет над вами. Вы не принесли покаяния за нарушение клятвы, данной вашими предками за весь русский род за все поколения русских! И пока не покаетесь, будете жить, как в дыму, будете маяться и вымирать, и не будет вам хороших правителей, и будете изнемогать и гибнуть от нераскаянности... О, русская душа! во что превратили тебя! Ты – такая великодушная, широкая и раздольная стала мелкой, мелочной, суетной. Ты – такая милосердная, отзывчивая, нестяжательная, ныне изъедена насквозь равнодушной жестокостью и подлостью ради наживы за счёт своих ближних. Твоё искание высшей правды и справедливости обратили против тебя,

и вот ты вязнешь в смрадном болоте лживой свободы личности, гуманизма и толерантности, куда заманили тебя твои враги. Твою природную созерцательность, целомудрие и скромность, твою житейскую неприхотливость попрали навязанными тебе циничным расчётом, распущенностью, погоней за пресловутой успешностью, раболепством перед всяким комфортом. Ищущие богатства, заразившие душу эфемерным на самом деле богатством, больные разумом от богатства – вам уже уготованы муки, которым не будет конца. Посмотри на себя, русская душа, и ужаснись своим язвам! Посмотрите и вы на себя, люди русские – сколько вам ещё бродить во тьме, разбредаясь в разные стороны? Вас и всё, что вы имели, всё, чем вы могли бы владеть по праву, передали в другие руки. Вас лишили будущего, вы не знаете, куда вы живёте! У вас отняли идею и путь, которыми жили и по которым завещали вам жить ваши предки. Идею – «Русь святая, храни веру православную: в ней же тебе утверждение!». Путь – не на Запад, не на Восток, но в Жизнь вечную – вверх и вверх!.. От вас скрывают правду о том, что вы, ваши жизни – от рожденья до смерти – всего лишь товар и пища для тех, кто возвёл себя в ранг высшей привилегированной касты, что всем остальным уготована роль серой безликой массы, с которой будут обращаться, как с бездушным податливым веществом. Вот истинная цель мирового господства и Нового мирового порядка! Ради достижения этой цели ваши внешние и внутренние враги любыми способами извращают и умерщвляют русскую душу, потому что пока она жива невозможно осуществиться людоедским планам самозванных хозяев мира. Поэтому у вас отнимают национальность, отнимают право быть русскими, лишают исторической памяти. Вас превращают в некий безымянный народ, не знающий и не помнящий самого себя. Кому подобен тот, кто не имеет памяти? Он подобен бездушному роботу, в которого можно вложить любую программу для исполнения воли и прихотей того, кто вложил такую программу. Народ, не имеющий памяти, обречён на историческое небытие!..

С лёгким шорохом мелко закрапал дождик, но никто не сдвинулся с места.

– А война будет? – раздалось, как выстрел.

– Война давно вошла в этот мир, – сказал Иисус. – Вы боитесь войны горячее, с огнём и оружием, но есть война холодная, дьявольски изощрённая и безжалостная война за каждую душу, но самый главный удар мирового зла – против израненной, изуродованной, но ещё не погибшей русской души. Можно ли её увидеть эту войну? Можно ли её услышать? Можно, говорю вам. Умеющий видеть, да увидит, умеющий слышать, да услышит! Разве не видите, что вас превратились в страну абортот? что убивают – поколение за поколением – не рождённых русских детей? Разве не видите, что те, кому повезло родиться, травят себя наркотиками, «энергетиками», всякой дурью? что они – совсем ещё юные – безразличны к жизни и смерти, выбрасываются из окон, прыгают с крыш, разбиваются насмерть, исчезают среди бела дня, и потом их находят мёртвыми, без органов, изнасилованными? что их растлевают блудом и содомией? что они перестают быть русскими, не зная своих корней?.. Разве не слышите, как вас приучают быть безропотными и покорными перед всем, что творят у вас на глазах с вашей страной? Разве не видите, как целую область Руси научили отречься от общей русской души, и натравили на их братьев и сестёр, и ввергли в братоубийство, чтобы русские уничтожали себя своими руками? Разве не слышите, как вам настойчиво, по капле, внушают, что русские ленивы, тупы и жестоки, что русских, как единого народа не существует? Разве не слышите эти не русские песни, которые забивают вам в уши и в души?.. Вы не поняли и не заметили, что давно уже живёте не по-русски, и даже забыли, что такое – жить по-русски?

– Скажи, что нам делать?! – прогудел Андрей Комонь.

– Первое, вспомнить о том, что вы – русские, и никогда не забывать об этом! – произнёс Иисус. – Второе, вспомнить, что место русской души для её полноценного и полнокровного обитания и самовыражения немыслимо без русской земли – о чём вам свидетельствуют примеры ваших русских гениев!.. Земля ваша огромна и изобильна, но вы не живёте на ней! Вашу уникальную широту и вольность загнали в бетонные клетки, в мертвенный плен мега-

полисов, в эту суетливую непрерывную беготню, в многолюдный призрачный мир, где вместо луны – фонарь; вместо речного потока – поток машин; вместо чистого воздуха – удушливые газы и смок, вместо шума листвы и пения птиц – какофония примитивных шлагеров и пустой болтовни; вместо радуги, небесных зарниц и блистания звёздного неба – искусственный газовый свет реклам; вместо божественной красоты и гармонии – безликие убогие коробки многоэтажек, однообразная типовая среда... Вы спрашиваете, как жить и что делать? Живите, как предоставил вам Бог, как жили ваши православные предки, оставившие вам в сокровище эту землю, которую вы бросили в небрежении, и которая отнимется от вас, если не опомнитесь!.. – Иисус перевёл дыхание. – Русская душа ещё жива, ещё не иссякли, ещё пробиваются сквозь завалы грязи и нечистот её благословенные родники. Спасайте русскую душу, или она погибнет!..

– Да как нам спасти-то её?! Что мы можем?! – спросили его.

– Душу надо очистить! А чем очищается, знаете?..

Повисло молчание...

– Покаянием?! – выкрикнули сразу несколько голосов.

– Да! Душа очищается покаянием, а жизнь – исправлением жизни! Русский, посмотри, что творится с твоей душой: сколько дряни заполонило её, будто полчища гусениц и прочих вредителей, разъедающих древо, и плоды, и листья его. Приди к покаянию, и очистишься! Русский народ живёт под нераскаянным общим грехом, которым вы навлекли на себя столько бедствий и зла, и пролили полные реки и реки крови, и продолжаете проливать; поэтому никак не устроится ваша жизнь по правде и справедливости. Но ваш великомученик царь-Помазанник молится за вас! Итак, если вы обратитесь, чтобы остаться русскими с русской душой, я – с вами!..

Фёдор раздавал желающим листочки с покаянной молитвой, написанной им со слов Иисуса (корпел три вечера до полуночи), а кому не хватило, будут делать копии, и разойдётся по всей округе...

Бульдозер

Речь Иисуса у Ильинской церкви отразилась, в первую очередь, в сердцах и душах здешнего населения, как это будет видно впоследствии, и вместе с тем, в виде пересказов и прямых цитат распространялась уже и за пределами Галелеево, и таким образом, достигло ушей начальства сначала районного, потом и областного уровня.

Фёдор Опушкин, судя по нему, был в восторге от всего, что услышал у Ильинской церкви. Всё в нём играло: лучики в глазах, открытая улыбка, даже самое обычное дело в руках. Он выглядел так, будто в нём распрямлялось упруго и утверждалось что-то истинное, правильное, настоящее...

Приближался их запланированный уход из бани и, соответственно, из Галелеево, но куда именно Фёдор не знал. Иисус, заявив о твёрдом намерении покинуть село, в то же время молчал о том месте, в какое предстояло перебираться, и всё откладывал день ухода, точно чего-то ждал.

На исходе месяца октябрьской ночью колючей от звёзд дохнуло арктической стужей, и лужи предстали, словно из стали, а дорожные колеи, где увязали в грязи по колено, разом – натурально и сказочно – окаменели. Утром всё как-то приободрилось, подтянулось; воздух, очищенный от хмари и перегара, радовал всякое живое дыхание кристальной свежестью; машины выползали со стоянок, помахивая выхлопными дымками; вороны над головами глядели орлами, и строго покрикивали, как бы подгоняя ленивых и нерадивых, впрочем, таких мало было.

Не хватало лишь чего-то единого...

* * *

Фёдор колот дрова. Банька отрадно топилась, испуская в небесную стынь душистый берёзовый жар. То, с каким задором он колот дрова, с каким участием встречает и провожает любых посетителей, с какой осознанной преданностью прислушивается к каждому слову, исходящему от своего наставника, невольно наводило на мысль, что он жил теперь единственно этой причастностью ко всему, что совершалось Иисусом. Он был похож на ординарца счастливого от службы своему командиру.

Казалось, ничто не могло испортить его приподнятого настроения, установившегося в эти дни, но вот как-то под вечер случилось ему проводить к Иисусу одного насквозь прокуренного старика-инвалида, приковылявшего к ним из почти безжизненного Голофеево (когда-то весёлой колхозной деревни славной яблоневыми садами). От него-то он и поймал эту фразу, вылетевшую из приоткрытой двери: «Опоздал ты, Господи, раньше надо было являться-то! Мы, русские, давно уж чужие друг другу, нам наплевать на своих, да и на себя самих тоже. Была когда-то Россия, были русские, были и сплыли, только слова и остались...» – вот, что заставило Фёдора застыть, как вкопанному. Дед вышел из бани, закурил беломорину, и подался восвояси. А Фёдор смотрел ему в спину, пока он не стёрся в сумерках.

– Нет, старый... Врёшь ты! – сказал, и сплюнул. Но улыбка уже не играла.

* * *

Утром они были разбужены гудком полицейского джипа, урчавшего под окошком бани: оказалось, за Иисусом послана машина с сопровождающими по личному распоряжению начальника Глебовского ОВД. Наспех одевшийся Фёдор разговаривал с лейтенантом полиции,

тучным губастым малым в чёрной форменной куртке. Сопровождающих было двое; другой, постарше, в звании капитана, поглядывал с переднего пассажирского сиденья джипа.

Фёдор в старательно вежливом тоне задавал уточняющие вопросы о причинах такого непонятного задержания человека, и чем более задавал, тем неотвратимей представлялось его практическое осуществление.

– Приказано доставить. Там всё скажут, – лейтенант был непробиваем.

Вопросы, «на каком основании?», «имеется ли у законное основание?» не проходили: «приказано доставить», и точка.

Фёдор заикнулся было о неповиновении, но вовремя перевёл на просьбу выделить им полчаса, чтобы принять решение, а то ведь, как обухом!.. Им милостиво предоставили ровно десять минут на сборы.

Иисус сидел за столом перед разложенными по тарелкам бутербродами к завтраку.

– Извини, что так долго, – вошёл расстроенный Фёдор. – Просто хотел всё выяснить.

– Ты садись, будешь есть и рассказывать, а то остынет, – сказал Иисус, разливая по кружкам из чайника.

– Тебя велено доставить по приказанию, знаешь, кого?! Хуже не бывает! Это не кто-нибудь приказал, это самолично «его превосходительство» Тарутин Роман Игоревич, начальник нашего Глебовского РОВД, вот кто!.. Сам Тарутин! – Фёдор подсел к столу. – Я тебе расскажу в двух словах, что он такое, этот Тарутин, ты поймёшь, что это очень серьёзно.

Иисус с вниманием отколупывал яичную скорлупу...

– Этот Тарутин... его тут все боятся, всех подмял под себя!.. Всех, это значит, всех, понимаешь? Все крупные собственники и фермеры, владельцы магазинов, торговых точек, все лакомые кусочки в районе – все его, все ему платят! А кто пытался сопротивляться – кого посадили, а кого и след простыл! – Фёдор отхлёбывал чай, не забывая про бутерброд. – Ты думаешь, чья здесь земля между лесом и кладбищем до самой реки? Его! А хутор Сороки – там самые крутые особняки с охраной? А в колхозе нашем бывшем галелеевском, который агрофирма теперь, кто главный акционер? Тоже он! Два года назад наших прежних владельцев, как ветром сдуло! С тех пор там всем заправляют его люди. Даже имя его стараются не поминать лишний раз. Знаешь, как его прозвали? «Бульдозер»!..

К сказанному Фёдором, остаётся добавить, что полковник МВД Тарутин Роман Игоревич, он же, Бульдозер, обладал достаточным влиянием и на областную администрацию. Губернатор, например, предпочитал с ним не связываться – себе дороже. Подобной тактики придерживался и областной прокурор, выдерживая линию не слишком обязывающих личных отношений. Среди его недругов и невольных друзей нашлись и такие, кто предпринимал различные подкопы с целью нащупать подлинную причину столь завидной самоуверенности Бульдозера, старались выйти на его покровителей, но ничего нарыть не удавалось, всё упиралось лишь в домыслы и туманные предположения без конкретных фамилий. Он был, что называется, «на хорошем счету», к тому же, неоднократно удостоивался наград, в том числе, и церковных.

– Я видел его всего два раза, – делился Фёдор. – Первый раз у святого источника, там, где сейчас купель в избушке устроили, а тогда просто ручей растекался из родника. Вижу, стоит в траве, ни дать, ни взять, этаким барин, совершенно голый, а его заботливо так поливают из кувшина водичкой – на головушку, на плечики, на животик... Стоит, похлопывает себя ладошкой: «Хорошо-о, хорошо-о!», приговаривает. Это всё при людях, при женщинах, при детях, которые поблизости черпают из родника, умываются, набирают воду в баклажки. Полили, сколько ему угодно, и укрывают безразмерным таким полотенцем, ну, прямо какой-нибудь римский патриций, не меньше; подносят ему чашечку горяченького чего-то из термоса... И только шёпот вокруг: «Бульдозер! Бульдозер!»

А второй раз видел его этим летом в Глебове, выхожу из маршрутки у сквера, а там, как в кино, куча полицейских машин с мигалками, менты снуют туда-сюда, таскают какого-то мужичонку... Короче, в личный «Гелендваген» Бульдозера влетел на повороте жёлтый поношенный «Жигуль» этого мужичонки; на бедняге уже лица нет, чувствует, что попал с концами! У «Гелендвагена» на заднице слабая вмятина и разбит фонарь. Его превосходительство сидит за рулём у открытой двери и кушает мороженное, причём, не без удовольствия. Так вот, я потом слышал, что с этого мужичонка три шкуры содрали, ему пришлось продать машину, гараж, влезть в долги, чтобы как-то возместить этому гаду материальный ущерб!.. Ты понимаешь теперь, кто на тебя глаз положил?

– Понимаю, – сказал Иисус, и поставил допитую кружку.

Фёдор посмотрел на свои часы.

– Между прочим, десять минут прошло. Надо им что-то ответить.

– К нему-то я и должен придти, – сказал Иисус. – К этому человеку.

– К человеку?! – вскинулся Фёдор. Это не человек, это бульдозер! Я-то думал, Христос идёт к тем, кого унижают, кого за людей не считают, кому искалечили жизнь, как тому мужичонке! Ты же сам говорил у церкви!..

– Ты хочешь сказать, что ты прав?

Это был вопрос наповал.

И Фёдор не смог ответить.

Иисус поднялся из-за стола, и тут же постучали в дверь.

– Можно я тоже с тобой? – Фёдор по-детски отвёл глаза.

– Пошли, – сказал Иисус.

В дверь продолжали стучать.

– Что им сказать? – спросил Фёдор.

– Скажи, чтобы меня связали по телефону с этим полковником.

Как ни странно, но лейтенант, услышав об этой просьбе, не выразил ни малейшего возражения, и после короткого совещания с капитаном, набрал по мобильному телефону номер своего шефа. Объяснил ситуацию, потом подошёл и протянул трубку, – Иисус поднёс её к уху и произнёс:

– Здравствуй.

– Кто это? Кто говорит? – донеслось из трубки.

– Иисус.

– Слушай, Иисус, садись в машину и езжай ко мне, пока я добрый.

– Я хочу встретиться с тобой, – сказал Иисус, – но я не поеду на вашей служебной машине, я доберусь своим ходом.

– Как это?.. Когда?

– Думаю, в течение часа буду у тебя.

Мобильный телефон, бубнящий начальственным голосом, вернули лейтенанту, он, выслушав указания, отошёл к джипу, потом передал телефон старшему.

Фёдор напряжённо наблюдал за происходящим. В машине мелькнул листок бумаги в руках капитана...

– Что-то выписывают. Повестку, наверное, – прикидывал Фёдор.

Но на листке, полученным от капитана, была коряво нарисованная схема маршрута.

– По этому адресу, – пояснил лейтенант.

Когда «УАЗ-пэтриот» уехал, Фёдор сказал:

– «Вязники», я знаю это место, это наша местная «Рублёвка».

– Вязники-отвязники... – обронил Иисус.

– Как поедем? на такси или мне договориться с кем-нибудь? – спросил его Фёдор.

– Попроси Камаза.

Вскоре Фёдор подъехал с Камазом на его бывалой неприхотливой «Шевроле-Ниве» прямо к бане; Иисус уже ждал их. Договорились, что доедут до Глебова, до поворота на строительный рынок.

Ехали молча. Всю дорогу Андрей вопросительно посматривал на Фёдора, – было видно, как его распирало от любопытства, – и всё-таки не спросил, куда и зачем уходит тот, кого он уже не боялся называть Иисусом, Повернув на перекрёстке, он остановился, не выключая двигателя, на улице «Большая Садовая», хотя никаких садов по сторонам не просматривалось, зато тянулся до еле заметного вдалеке строительного рынка бетонный забор. Вылезшие из машины Иисус и Фёдор пожали руку Андрею Комону, и перешли через дорогу. Вздохнув, им вслед, он лихо развернулся, и покатыл в обратном направлении.

Иисус почему-то не сказал Камазу точного адреса, поэтому по совету Фёдора, они вышли, не доезжая до Вязников.

– Нам нужно на «Озёрную», дом номер двадцать один, – Фёдор повертел головой по сторонам, – вон по той тропинке...

Безлюдная извилистая тропинка уводила вглубь лесного массива, где за стволами породистых сосен скрывались, похожие на заморских купцов, крутые особняки.

Они прошли сквозь редкую толпу корявых стариканов-вязов, и пошли под тихий шорох, сеявшей с неба снежной крупы, вдоль вычурных дорогих оград местной «Рублёвки»...

* * *

Начальник Глебовского РОВД, полковник полиции Роман Игоревич Тарутин относился к своему брутальному прозвищу, о котором прекрасно знал, скорее с симпатией, по-крайней мере, не отрицал в нём известных положительных качеств. «Кому-то и бульдозер – бог», – обмолвился он как-то вслух самому себе, глядя в зеркало.

Первому донесению об Иисусе он особого значения не придал. Но вторая информация, уже более обстоятельная, вплоть до пространных цитат из речи перед Ильинским храмом, произвела на него совсем другое воздействие, – Бульдозер даже забыл о чашке кофе, пробегая глазами распечатанный текст; он перечитал его ещё и ещё раз, встал и положил его в сейф, и после какое-то время сидел, задумавшись, будто внезапно столкнулся с тем, о чём уже и не думал дожить когда-нибудь...

Что из этого следовало? А следовало то, что проблему с «неким самозванным Иисусом», спустили пока что на уровень местного ОВД, причём, под личный контроль начальника, но в случае, если он не сумеет справиться, то этим неизбежно займутся вышестоящие органы, тем более, с учётом, по сути, стартовавшей президентской компании, и без того обещающей быть весьма скандальной. В главке уже состоялось несколько совещаний на тему «усиления контроля, и принятия дополнительных мер для поддержания максимально стабильной общественно-политической обстановки»: для областного начальства было категорически неприемлемо навлекать на тихую и в целом на «хорошем счету» подведомственную область какого-либо неудовольствия центральной власти, а посему любые эксцессы такого рода старались гасить в зародыше.

В епархиальных церковных структурах, включая митрополита, наверняка уже были извещены о том, что говорилось у церкви Ильи-пророка, не говоря уже о том, что информация такого рода должна поступать напрямую в Управление Московской патриархии.

Полковник Тарутин вспомнил о кофе, и сделал пару глотков.

Конечно, будь то какая-нибудь известная личность, да ещё со скандальным прошлым, с которой мороки не оберёшься, то можно было бы, хорошенько припугнув, «чтобы ноги твоей здесь не пахло», взять эту личность под белы ручки, вывезти куда-то подальше в соседнюю область, что не редко практиковалось в непростых полицейских буднях, и пусть с ним другие

коллеги по профессии разбираются. Имелся, правда, ещё один проверенный способ по принципу: нет человека – нет проблемы, то есть, ликвидация объекта не вызывающая подозрений, например, автомобильная авария, но к этому прибегали в исключительных случаях и только после соответствующего условного сигнала сверху.

Впрочем, вряд ли Бульдозер рассматривал упомянутые варианты, хотя бы потому, что сидя один в своём кабинете под явным влиянием прочитанного донесения, он, как бы ни с того, ни с сего, сказал:

– Неужели в этом болоте появилось хоть что-то стоящее?..

И добавил:

– Мне нужно видеть его. Он должен быть у меня!

* * *

Иисус и Фёдор шли по хрустевшему под ногами мелкому гравию, приближаясь к синей овальной табличке: «Озерная 21».

Озёрная – потому, что где-то там за оградами, за особняками с ухоженными парками и лужайками, открывалось долгая озерная гладь, простиравшаяся до противоположной полосы лесного заказника.

Остановились у мощных стальных ворот, что одним своим видом заявляли о статусе хозяина той территории, которую они закрывали напрочь от любых посторонних взглядов и проникновений.

– Я не боюсь его! Ненавижу!.. – Фёдор потянулся рукой к кнопке звонка, но нажать не успел.

Дверь калитки, слева от ворот, мягко щёлкнула и отворилась. Из калитки вышел охранник и жестом пригласил их войти. Каким образом их распознали, и почему пропустили без единого к ним вопроса, оставалось только догадываться.

К главному дому с колоннами, вроде дворца, вела дорожка из рельефной мраморной плитки. Весь первый этаж был полностью остеклён, но не прозрачен. Весь второй этаж по периметру обрамлялся открытым балконом. За домом искрилось неоновым светом озеро. Везде было чисто, ухожено, тихо. И всё казалось ненастоящим. Даже небо над озером.

– Не хилые владения у наших полканов полицаев, как у фон-баронов каких-нибудь! – не преминул высказать Фёдор (надо думать, приближенность к Иисусу немало способствовала его храбрости). – Представляю, как живут наши слуги народа, если их верные псы в таком шоколаде...

Иисус ничего не сказал на это.

Охранник перед тем, как впустить их в холл, коротко глянул на Фёдора:

– Советую держать язык за зубами.

– Молчать, что ли? – хмыкнул Фёдор.

– Помалкивать.

Их провели по пустынному холлу через зимний сад с журчащим фонтанчиком, через полутёмный каминный зал, через бильярдную с барной стойкой, наконец, они вошли в обставленную мягкой мебелью комнату с панорамой на озеро...

Хозяин появился в форменной рубашке с погонами и в лёгких спортивных брюках: гладко выбрит; отличный парфюм; спокоен. В руках голубоватая прозрачная папка.

– Присаживайтесь, – он показал на кожаный полукруглый диванчик.

Сам же уселся рядом за столик, на котором уже были разложены: пепельница, вскрытая пачка импортных сигарет, изящная зажигалка, и маленький серебристый пульт с двумя кнопками.

Бульдозер вынул из папки листки с распечатанным текстом, бегло и выборочно пробежал по нему, положил поверх папки. Не говоря ни слова, даже не взглянув на своих-гостей, как будто их и не было здесь, он достал зубочистку и поднёс ко рту, – начал медленно и отстранённо ковыряться в зубах...

– Это он специально, – прокомментировал Фёдор. – Это у них манера такая, чтобы мы почувствовали разницу – кто мы и кто они...

– «Они», это, надо думать, «верные псы» наших слуг народа»? – спросил Бульдозер, продолжая ковырять во рту.

Фёдор оторопел, но быстро нашёлся:

– Да, верные псы! И мне чихать на вашу прослушку!

– Нет никакой прослушки, просто у охранника не был выключен микрофон. Но дело не в этом. Дело в том, что в этой избитой фразе нет ни единого слова правды, как это ни обидно звучит для тебя, – Бульдозер поднял голову, но посмотрел почему-то на Иисуса.

Они встретились взглядом.

– Ну, конечно! Вы же мните себя хозяевами над нами! – Фёдора словно дёргали за язык.

– Ни слова правды! – повторил Бульдозер, и перевёл взгляд на озеро. – Ну, какие мы «псы», настоящие псы служат преданно, без всякой корысти, а мы служим за хорошие деньги и за возможность приворовывать на службе. Следовательно, мы к тому же ещё и неверные, поскольку будем служить любому, кто лучше и больше платит. И в «слугах народа» тоже ни слова правды. Они никакие не «слуги», они желают быть привилегированным элитным классом над прочим быдлом, причём, желательно наследственным классом. Остаётся слово «народ», но и здесь неправда. Разве можно назвать народом это стадо, разбредшееся кто куда, не помнящее родства, мечтающее об уголочке более-менее сытого счастья, о жалкой подачке со стола своих господ – этой патологически жадной элиты? Притом, что половина из этого стада готова свалить со своей «богохранимой» родины к нашим врагам, а другая половина будет вечно терпеть над собой любого идиота и прощельгу, и вечно ждать перемен. «Лишь бы не было войны!» – это главная их молитва...

– Да! – чуть не подпрыгнул Фёдор, – лишь бы не было войны! Ради этого воевал мой прадед, ради этого погибало его поколение, ради этого жили наши отцы и деды! Это для таких, как ты, нет ничего святого, и тебе никогда не понять этих слов, потому что они для тебя пустой звук!..

– И опять всё мимо, – отвечал Бульдозер. – У меня все предки – военные, все в роду воевали, кроме меня одного, поганца, но я за них горло перегрызу. А правда в том, что как народ, мы, русские, образуемся и сплавиваемся именно на войне, в борьбе и преодолении. Война сбивает нас в единый оплот, которому нет преград – по-другому не получается, так уж мы скроены. Нам только дай расслабиться – и нет народа. Нас ещё могут как-то держать какие-нибудь великие стройки, невиданные свершения, испытания, которые потребуют многих лишений и жертв, что, по сути, та же война...

– Бред! Демагогия! – фыркнул Фёдор. – Это надо отмочить такое: не будет войны – не будет народа! Ну, бред!..

Бульдозер, наконец, посмотрел на него в упор.

– Ты кто? Ты у нас, кажется, Фёдор Опушкин, то есть, неопределённых занятий и средних способностей, так? Может быть, ты кому-то сильно помог в его жизни, кого-то спас или пожертвовал для кого-то своим здоровьем? Нет? А что есть? А есть, прямо скажем, ни то, ни сё, и весь ты пока – от сих до сих, – он ткнул два раза по столику на небольшом расстоянии. – В лучшем случае, тебе ещё предстоит превозмочь самого себя, чтобы что-то постичь в этой жизни. Я таких много видел, наблюдал, и все, сколько знаю, так и остались – от сих до сих.

– А ты у нас, кажется, полковник полиции, так? – отвечал ему той же монетой Фёдор. – Ты у нас как бы на страже закона, и как бы местный защитник народа, да? то есть, начальник среднего уровня у наших защитников...

– У тебя, что ни слово, всё ложь, Федя. Это милиция была когда-то защитником народа, потому как считалась народной, а у полиции другие функции, она, по определению, в первую очередь на страже интересов власть имущих! Надо бы знать такие элементарные вещи, – пояснил Бульдозер.

– Теперь понятно, почему ты с людьми такой безжалостный, запугиваешь, обдираешь до нитки, бросаешь за решётку невиновных!..

– Федя, я тебя поздравляю, ты первый раз попал в самую точку! Я действительно творю безобразия, любого могу унасекомить, могу разорить, обложить данью, посадить ни за что за решётку, могу просто стереть в порошок... Про таких, как я, говорят: не боится ни бога, ни чорта. И ты не поверишь, я даже устал от этого, опротивело до тошноты. Серьёзно.

– Может, тебе ещё и посочувствовать?

– Ну, если ты способен на это.

– Не всякий достоин сочувствия, тем более, такой монстр, как ты... Бульдозер!

Хозяин дома покачал головой.

– Ты уже, как минимум, трижды оскорбил меня в моём доме, но я ни разу не сказал тебе ничего подобного. Ты нарываешься, что ли? Если да, то сначала подумай, уверен ли, что не пожалеешь об этом?

Фёдор покосился на Иисуса, смолчал.

– Скажи спасибо, что тебе позволили войти сюда и присутствовать здесь, – Бульдозер давил, и возразить ему было нечем, – тебя, Федя Опушкин, я сюда не звал, и не с тобой говорить собирался, ты здесь постольку-поскольку, а точнее, с боку припёку, понял? Надеюсь, в дальнейшем ты учтёшь этот несложный расклад, и не будешь мешать нам.

Бульдозер, как бы нехотя, вынул сигарету из пачки, щёлкнул зажигалкой. Выпустив дым, дотянулся до пульта и нажал кнопку. Заработал еле слышно кондиционер...

– А ты, значит, Иисус Христос, – они снова встретились взглядом. – Когда мне первый раз донесли о тебе, я подумал, что вот ещё один сумасшедший бездельник, или очередной мошенник. У нас тут кого только не было, и «пришельцы» были, и «киборги», и какие-то «эльфы» залётные, и «Велесов Сын» или «Сын Велеса», уже не помню, а в соседней губернии даже «бог Сеня» был, целую секту из баб организовал. Но ты не сумасшедший, нет, и не мошенник, уж в этом я разбираюсь. Никакой мошенник не стал бы так рисковать, тем более, задарма.

Он взял один из листков, лежавших на папке.

– Меня, откровенно говоря, зацепили твои слова, здорово зацепили... «Я пришёл спасти русскую душу», – процитировал он. – Ты действительно так и сказал: спасти русскую душу?

– Да, – произнёс Иисус.

– Ты, наверное, в курсе, что в России уже, по сути, началась президентская предвыборная кампания? И вот об этом, – он постучал пальцем по листкам на папке, – известно также и в областном полицейском главке и губернатору.

– Уже донёс, – усмехнулся Фёдор. – Конечно!..

Бульдозер вздохнул.

– Опять в лужу сел, не надоело тебе? Меня загрузили этим из областной конторы и поручили разобраться с «данным объектом» согласно информации, полученной от источника из местных жителей, а ещё один сигнал ушёл в епархию от священника, а оттуда, думаю, всем понятно куда. Это я к тому, что ты, Иисус, можно сказать, под колпаком. Если там, – он поднял вверх указательный палец, – узнают, где в настоящий момент находится тот, кто заявил о спасении русской души и о сознательном уничтожении её носителей, мне моментально будет

спущено указание задержать тебя и доставить в следственный изолятор, причём, не временного содержания, а именно в СИЗО.

– Это на каком основании?! – вмешался Фёдор.

– На основании возможной угрозы обществу и правопорядку в период президентской кампании. Если «объект» продолжит упорствовать на своём, то будущее незавидно. В лучшем случае – психушка и полная изоляция. В худшем – махровый национализм, да ещё фашистского толка, и срок с неизбежной втихомолку, ликвидацией.

– Теперь понятно! Ты хочешь, чтобы он сам выбирал себе наказание! Отлично! Просто супер!.. Да ты хоть понимаешь, кому говоришь? – Фёдор постучал себе по лбу. – Ты понимаешь, кто перед тобой? перед кем ты сидишь тут?!

Бульдозер затушил сигарету.

– Вот же нравится человеку из себя клоуна делать, что ни скажет – всё глупость какая-то. Слушай, клоун, я последний раз предупреждаю, будешь нам мешать, вышвырну отсюда, как паршивого щенка. Усёк?

– Фёдор, не надо, – сказал Иисус.

Опушкин отвернулся к окну.

– Так вот, Иисус, тебя уже ищут, – продолжил Бульдозер, – но здесь ты можешь считать себя в безопасности. Поэтому предлагаю пожить под моей, так сказать, крышей. Могу предоставить отдельный гостевой домик на берегу озера. Если предпочитаешь баню, то там есть и баня рядом, на втором этаже хорошие спальные комнаты...

– Это же западня! – рванулся к Иисусу Фёдор. – Неужели ты не видишь, что это подстава, что тебя заманили? Ты же Иисус! Разве не видишь, что ему нельзя верить!

– Заткнись, урод! – прорычал Бульдозер.

– Не вижу, – сказал Иисус.

– Ну, как скажете, – на лице Фёдора вылезла улыбка, он скрестил на груди руки. – Тогда я молчу.

– Если б не предвыборные дела, – тем же невозмутимым тоном продолжил Бульдозер, – тогда бы всё по другому воспринималось, тебя не сразу хватились бы, какое-то время ещё удавалось бы продержаться, чтобы успеть донести эту правду по России-Матушке. Но рано или поздно всё равно бы прикрыли, это сто процентов. Такие слова долго терпеть не будут. «Спасти русскую душу»!.. Это ж вообще на разрыв всей утробы!.. – он потянул себя за ворот рубашки. – Кстати, говоря, был бы ты в статусе официального кандидата, допущенного к выборам в президенты, ох, у тебя был бы шанс, дало отдачу, сдетонировало бы по всей конструкции, тебя бы услышали, это я знаю, что говорю. Мы же отслеживаем настроения в обществе, в этом стаде... да, оно пока ещё жуёт свою жвачку, и ещё долго может жевать, может изредка бляеть, мычать, ворчать по своим клетушкам, самое большое – пошумят, потопчутся перед местной администрацией, помашут плакатиками, ну, в интернете позубоскалят, а голосовать на выборы поплетутся за эту же власть галочки ставить – за кого ж ещё на безрыбье-то?.. А только, какая она ни есть, она ж всё-таки Русь, а Руси, пуще всякой жвачки, что нужно? Ей идея нужна! ей зов – труба до неба нужна! – вот тогда она пойдёт ломить, и горы свернёт, и до звёзд достанет!..

– О чём ты хотел говорить со мной? – спросил Иисус.

– Так я и говорю уже, – ответил Бульдозер. – Но твой вопрос понял. До этого момента была, так сказать, вступительная часть. Теперь пора и о главном. Тебе, я думаю, уже наговорили обо мне и моих «подвигах», и процентов на девяносто всё так и есть. Я полковник Тарутин, глава местного РОВД, и меня здесь все боятся – от местного начальства до перwokлашки...

– Как видишь, не все! – вставил Фёдор.

Бульдозер слегка поморщился.

– Почему меня все боятся, и как получилось, что я стал таким, которого нужно бояться, об этом я ещё расскажу. Но сначала мне хотелось бы знать... – он посмотрел на Иисуса. – Кто ты на самом деле?

– Я Иисус Христос, – сказал Иисус, не глядя на вопрошавшего.

– Вот только давай ты мне не будешь заливать, что ты тот самый Христос из Евангелия и тому подобное, ладно? Я не о этом. И, кстати, если бы ты был настоящий Христос, я б, наверное, не говорил с тобой так, всё-таки Бог есть Бог, а не кто-то ещё, меня бы, думаю, пробило до дна! Разве нет?

– А ты не расстраивайся, Иуду тоже ведь не пробило, – Фёдор продолжал сидеть со сложенными на груди руками, – и Пилата не пробило, и фарисеев, и много кого.

– Вот, что с ним делать?.. Хотя, может быть, он и прав, – признал Бульдозер. – По большому-то счёту, мне всё равно, Иисус ты или ещё кто-то, я имел в виду другое: кто ты по жизни – Пугачёв? Ленин? или Сергей Радонежский? Ты понял, о чём я? Вдруг ты и есть та самая труба до неба?!

– А если так, то что тебе в этом? – сказал Иисус.

– Тогда могу или выдать тебя, или...

Но не дал ему Фёдор договорить:

– Ты кого возомнил из себя, ты что, «Властелина колец»? может, «Крёстный отец»?! Думаешь, ты тут царь и бог? Думаешь, погоны и должность дают тебе право? Да ты сам, кто такой? Нуль без палочки, а туда же, «могу выдать, могу не выдать»! Ничего ты не можешь, понял?!

– Неужели всё-таки Иисус? Удивительно, но, вижу, вполне возможно... – сказал Бульдозер, – и лучшее подтверждение тому – наш неразумный Фёдор. Это ж вопиющий факт! – он показал Иисусу на Фёдора. – Будь ты кем-то другим, он бы рта не посмел открыть на меня, ему бы такая глупость и в голову не пришла, правда, Федя? Я что-то раньше не слышал тебя, небось, готов был ветошью прикинуться, лишь бы мне на глаза не попасть? Но вот появляется Иисус, и о чудо! Что делается с нашим Федей! Его не узнать! Какой огонь! какие речи!.. Была душонка в мошонке, и вдруг воспарила!.. Вот я и прикидываю, если такое с одним приключилось, то, может, и с другими произойти. Или я не прав?..

Потемневшее озеро было по-прежнему гладко и неподвижно, словно огромное поле асфальта. Надломанной зубочисткой мелькнула чайка...

Фёдор, прикусивший губу, с налитым кровью лицом, казалось, то ли расплчется, то ли взорвётся.

– Тебе лучше выйти, Фёдор, – сказал ему Иисус.

Но он лишь мотнул головой.

– Я всегда ненавидел тебя, Бульдозер! – процедил он сквозь зубы, – ненавидел и презирал! Я даже свечу поставил Илье-пророку, чтобы он уничтожил тебя, чтобы сгнил ты заживо от собственного дерьма!..

– Не ты первый, не ты последний, – ответил Бульдозер. – Однако, как видишь, небесные силы не на твоей стороне...

– Ты хочешь сказать, что Бог не со мной, а с тобой?!

– Получается так. А ещё я хочу сказать, услышу хоть одно поганое слово, пеняй на себя.

– Ага, только шнурки поглажу! Привык всем рот затыкать, пуп земли... пуп глебовского района!.. – Фёдор прыснул злым смехом, расхохотался...

Хозяин дома пожал плечами:

– Он не даст нам поговорить, – и надавил сигнальную кнопку на поручне кресла.

Но Фёдор не увидел этого, он продолжал смеяться.

Прошло не больше минуты, к ним в комнату вошли двое охранников.

– Оформите по третьему варианту, – Бульдозер указал на Фёдора; тот уже не смеялся.

Опушкин вскочил с диванчика, но его умело и жёстко скрутили, защёлкнув на запястьях наручники.

– Я не боюсь тебя, держиморда! Я не уйду отсюда, я всегда буду с ним! Господи, помоги!.. – как мог, упирался Фёдор; его ударили по лицу и потащили к двери.

Иисус поднял руку.

– Стойте! – задержал охрану Бульдозер. – Если хочешь, я прикажу оставить его, но после каждого вмешательства в наш разговор, его будут бить по зубам до тех пор, пока до него не дойдёт, что молчание это воистину золото. Так оставить?

Иисус опустил руку. Бульдозер качнул подбородком:

– Уведите его.

– И ты молчишь?! – закричал Фёдор. – Молчишь на всё это?! Ты, Иисус, или как тебя там!.. Я верил, я поверил в тебя, я пошёл за тобой!.. О, я всё понял! – кричал он уже за дверью, – всё понял в тебе! Всё понятно!..

– Жить будет, – заверил Бульдозер.

* * *

Фёдора вывезут загород на старую выщербленную бетонку, проложенную через лесную зону; потом со знанием дела отработают по «клиенту» руками-ногами до потери его сознания; потом снимут наручники, и привалят к столбу у единственной остановки, где раз в сутки притормаживал поселковый автобус. Видимо, в этом и заключался упомянутый «третий вариант», но что представляли собой два предыдущих, можно было только догадываться...

Хозяин дома снова курил; он говорил, глядя на озеро:

– Бульдозером я стал не сразу, но, что называется, в один прекрасный день. Какое-то время я держался наивного представления, что система государственного управления, реализуемого, в том числе, через силовые структуры эМВэДэ, должна работать в интересах не только её создателей и тех, от кого зависит её непосредственное применение, но также, хотя бы отчасти, и общества. Довольно скоро, по мере расширения служебного кругозора и опыта, мои иллюзии развеялись окончательно. Система быстро дала понять, что любой входящий в неё винтик-шпунтик, любая её деталь, большая или малая, обязаны соответствовать её законам и принципам, в основе которых коррупция, циничная выгода, и круговая порука, в противном случае все, кто не вписывается в неё, будут неизбежно удалены из системы. Жадных там тоже не любят, от них избавляются, причём, иногда с публичной оглаской. Тогда я решил вписаться в неё, в эту систему, и когда вписался по полной, то почувствовал себя, как рыба в воде. Оставалось лишь стать рыбою покрупнее. Я добился и этого, благодаря своему, возможно наследственному, умению рисковать, точный расчёт и выбор момента, когда на кону солидный лакомый куш. Тот, кто умеет навязать свою силу, подавляя силу других, будь то в карьерной борьбе, или в приобретении благ у подвластного тебе населения, тот поднимается уже на иной уровень жизни.

– Поднимается? – спросил Иисус.

– По-крайней мере, в этом подлунном мире: ты видишь, что поднимаешься над ничтожным существованием, над любой материальной проблемой, над любой житейской нуждой и мелочной суетой, то есть, над тем, чем так озабочены обитатели нижнего, и даже среднего уровня. У тебя совсем другие запросы и другие возможности; с тобой считаются равные тебе по положению и по службе, с тобой ищут контактов, тебе делают выгодные предложения, и, наконец, определённая категория людей тебя просто боится. Самое блаженное, когда ты воздействуешь на других одним только чувством страха. Тебя боятся, и перед тобой уже нет преград.

– Боятся, значит, ненавидят, – сказал Иисус.

– Когда тебя любят, тебе многое могут простить, но когда тебя ненавидят из страха, тебе прощается всё. Не прощают тех, кто мог быть другим. Какой смысл обижаться на ураган, чуму, влетевший снаряд, или на бульдозер? Им уже всё прощено.

– Ты причисляешь себя к управляемой неразумной материи?

Бульдозер задумался.

– Я имел в виду нечто вроде: всё ему прощаю, ни в чём не виню, только пусть оставит меня в покое! Ну, а мёртвые не прощать, не способны.

– Ты это можешь доказать?

– Во всяком случае, простят или не простят меня мёртвые – мне от этого ни холодно, ни горячо, это я могу доказать хотя бы тем, что я жив и здоров, – возразил Бульдозер, – как жил, так я и живу без роковых несчастий и неприятностей.

– По-твоему, всё, что случается – безответно?

– В этом мире каждую секунду происходят миллиарды, триллионы случайностей, если бы все они имели последствия, то жизнь захлебнулась бы в этом убийственном хаосе и перестала существовать. Но мир, как мы понимаем, вполне устойчив, последователен, более-менее уравновешен.

– Каким же образом уравновешен? – спросил Иисус.

– Отсылка к школьной программе? Если где-то убывает, то в другом месте прибывает... Ты об этом?

– Об этом.

– У меня иное представление о равновесии. Один богатый, другой бедный, чем больше богатых, тем больше бедных, чем меньше богатых, тем меньше бедных. Один творит зло, другой – добро; один прощает, другой не прощает; пока тех и этих поровну – мир устойчив. Вот и всё. И хватит об этом! – отрезал хозяин дома. – Я хотел рассказать, как я стал «Бульдозером».

Он затушил окурок, и отодвинул в сторону массивную пепельницу.

– Я был тогда зав отделом районного ОВД. В одном селе, довольно крупном, по нынешним меркам, со своим, хоть как-то позволяющим жить хозяйством, распоясались приезжие дагестанцы, «даги», как они себя называли, человек десять-двенадцать всего-то, они устроили там сушью оккупацию, вели себя, как захватчики и хозяева. Сначала какой-то Ахмет или Ахмат протеже известного депутата Госдумы, становится главой сельсовета, ясно, что за солидную сумму. Потом этот Ахмет завозит сюда своих земляков, в основном, родственников, молодых бездельников, с виду, обычные парни, но ведут себя, как обычная банда: грабят, насиляют, избивают; обложили данью всю эту округу вместе с ближним посёлком; бараны их пасутся везде, где хотят. Приехали на раздолбанных «девятках», а через пару-тройку месяцев уже гоняют на джипах, то есть, буквально у каждого иномарка. Местные, по забытой уже привычке, побежали жаловаться к участковому, в районную администрацию, в прокуратуру, а там – бездушные и волокита, ещё и боком вышло: «даги» зверски наказывали всех жалобщиков, заставляли их «искупать вину», в прямом смысле – деньгами, как «доносчиков». Почему было безнадежно жаловаться, думаю, объяснять особо не требуется, как говорится, всё схвачено: все более-менее влиятельные должностные лица просто куплены, причём, незадолго, но хватило и этого. Управы на банду не было. Дошло до того, что могли зайти в дом, отнять у мужа жену, и увезти с собой на гулянку. Всякого, кто, хоть как-то, пытался сопротивляться, а это у нас почти всегда в одиночку, избивали и унижали при всех. В общем, эта зашуганная местность впала в тупую покорную безысходность. Я об этом узнал от коллеги сотрудника, разговорились на шашлыках у кого-то на «днохе». Ну, приехал с ребятами, на свой страх и риск, собрал сельских мужиков в школьном спортзале, говорю им: «Достали вас чурки? Хотите разобраться с ними?» Молчат. «Не бойтесь, – говорю, – вам ничего не будет. Я всё знаю, что у вас творится. Разрешаю отделать этих «неразумных хазар» по полной программе, отделать так, чтобы они чесали отсюда, сверкая пятками, в свои аулы, и сидели там за горами со своими баранами до

глубокой старости. Действуйте, я прикрою. Гарантирую, шума не будет, никого не привлекут, обещаю. Даю вам сутки на торжество справедливости». Опять молчат. «Вы русские или нет? Вы мужики или кто?!» Стоят, в пол уткнулись. Тут уж меня забрало: «Труссы позорные! Ни за себя, ни за жён своих постоять не можете! Вам не штаны, вам колготки носить!.. Эх, купать вашу Дусю! противно смотреть на вас!» Плюнул, и вышел оттуда. Навстречу бежит этот Ахмет или Ахмат, с ним ещё четверо, бубнит о каких-то претензиях в мой адрес. Ну, мы их всех мордой в грязь по моей команде; изъяз у него мобильный, прямо в наглуую, без всяких формальностей, смотрю, а там номерок того туза-депутата, покровителя их, ну, срисовал себе. Говорю: «Если, хоть кого-нибудь тронете, чурки вонючие, раздавлю, как тараканов, вместе с баранами вашими!» Я не шовинист, но те, кто не хочет здесь, на русской земле, жить по-русски, кто лезет к нам со своею вонью и спесью, те для меня и есть чурки, которые ни на что не годны, кроме, как на растопку. Я понимал, что просто пугнуть их, этого явно мало; по закону, сделать им ничего нельзя, нет на них ни единого заявления, все запуганы, к тому же, слишком плотный заслон из иуд-чиновников, и главный из них – столичный туз. Что было делать с этими «дагами»? Понадеялся на мужиков, а они в кусты. Помню, был вне себя от этой нашей проклятой покорности, буквально места не находил!.. А, кстати, хочу спросить, когда в твой дом врываются бандиты, когда избивают твоих родных, когда тебя унижают перед твоими детьми, когда хотят изнасиловать твою жену или дочь, как мы должны поступать, по-твоему? Просить пощады? Умолять, уговаривать?..

– Обязаны защищать, – ответил Иисус.

– Вот и я про это. Имею право защищать, а, значит, драться, сражаться, и убивать, если понадобится!

– Это право от Бога.

– Право, от которого эти мужички смиренно отказались, то есть, попросту, трусили.

– Трусость грех, а самоуничжение в трусости хуже гордости, – сказал Иисус.

– Передо мной два выхода: либо очистить село от бандитов, либо умыть руки, и отдать им это село в полное рабство. В первом, опираться на начальство, в виду особой чувствительности национального вопроса – пустой номер, оно бы и палец о палец вряд ли ударило, а против второго уж точно не возражало бы. Я выбрал первое. Нужно было как-то убедить столичного туза-депутата. Повторяю, в ту пору я ещё не научился различать чёткой разницы между милицией и полицией, я ещё не избавился от иллюзий защитника. Позвонил напрямую, инкогнито, тому депутату, между прочим, он до сих пор с телеэкранов не вылезает, и попытался взять его «на пушку», с самой внушительной интонацией довёл до его сознания, что ему надлежит в ближайшие два-три дня в селе Прасковеевке не осталось даже следа от представителей славного кавказского племени; в противном случае, «вас ждёт обвинение в умышленном разжигании межнациональной розни, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до исключения из рядов правящей партии с лишением депутатского мандата, и судебного преследования по соответствующей статье Уголовного Кодекса, а уж подходящий общественный резонанс мы вам обеспечим. Всего доброго». Он не дрогнул, отдаю ему в этом должное, настолько был уверен в своей непробиваемости, более того, он предпринял меры, чтобы выявить того, кто посмел угрожать ему, меня чуть было не вычислили. Но я привык идти до конца, наверное, тоже родовая черта. Пришлось воздействовать эмоционально-психологически. Взял двоих проверенных ребят; улучил момент его прибытия в область на встречу с губернатором; выманили под каким-то предлогом его водителя, и аккуратно уложили в багажник его навороченной иномарки не очень свежий труп с размолотым в мясо лицом: очередное безымянное тело убиенного кем-то бомжа из нашего морга; на груди у трупа плакатик: «Я также, как ты, ненавидел русский народ, и вот, что со мною стало». Надеюсь, он не в обиде, а, может, отчасти, и рад, что внёс свой заметный вклад в торжество справедливости. Не знаю уж, как этот холёный туз избавлялся от трупа, но главное – всё сработало: неразумные бандюки со своим Ахметом испари-

лись из села Прасковеевки за неполные двое суток. Я слышал, что первой, оценившей наш скромный перформанс, была жена депутата: в тот же день, вечером, открыла на даче багажник, а там... Говорят, стоял невыразимый вселенский визг, может быть, это, главным образом, и повлияло. Как бы то ни было, задача была решена, только после этого случая моё чувство причастности к своему народу стало меняться не в лучшую сторону. Потому что я всякий раз в такого же рода случаях, а было их предостаточно, сталкивался с той же проклятой покорностью. Людишки наши готовы терпеть до последнего, в их представлении картина мира выглядит так: вот есть какое-то зло, которое мешает жить, хотя, жить слишком сильно сказано, в общем, мешает учиться, лечиться, работать, а то и просто выходить по улице, и есть власть, которая, если узнает про это зло, начнёт его немедленно как-нибудь исправлять, и как-нибудь ликвидировать. Зло и власть у них никогда не смешиваются, власть не может быть злом, и пока до них не дойдёт, до какой степени они слепы, ничего не изменится, потому что не всякая власть от Бога... – на этом слове Бульдозер перевёл глаза на сидящего перед ним Иисуса. – Или ты скажешь, что всякая власть от Бога?

– Скажу. Всякая власть от Бога, – произнёс Иисус. – Но не всякая с Богом. Подобно тому, как от Бога всякий хороший день, всякая радость, мир, здоровье, но также от Бога и всякое ненастье, война, болезни.

– Вот оно что!.. – дёрнул бровью Бульдозер. – Спору нет, поскольку не вижу особой разницы, суть та же самая – люди ищут правду во лжи, я про систему, основанную на абсолютной зависимости от неё населения со всеми средствами на его существование. Я бы эту систему управления назвал иначе. У Себастьяна Баха есть сочинение, звучит оно так: «Хорошо темперированный клавир», я его не слушал, не знаю, должно быть великая вещь, но не суть, так вот я бы, используя эту терминологию, дал такое название: «Система хорошо темперированного симулякра». Пусть и не очень хорошо темперированного, но именно симулякра! – воскликнул он, явно довольный своей находкой. – Система, которая работает на саму себя! Всё что попадает в неё, любые обще национальные проекты или реформы – образования, здравоохранения, культуры, экономики, армии, пенсионная и так далее, превращаются в собственные подмены и фикции. Притом, что может делаться много чего полезного и правильного: могут строиться какие-то производственные объекты, внедряться инновации и перспективные разработки, вводиться целевые программы, могут выделяться огромные средства, создаваться мощные фонды, центры, объединения и прочее, прочее, но, в конечном счёте, на выходе – ничего не улучшится, а станет ещё и хуже прежнего!..

– С тем же эффектом функционирует и система церковного управления, осуществляемого московской патриархией, – сказал Иисус.

– Ничего удивительного, подобное к подобному, – заключил Бульдозер. – Вскоре после случая с «дагами» поступила информация о готовящемся рейдерском захвате местного фанерного заводика, состоящего из двух-трёх цехов, каким-то чудом уцелевших во время искусственного банкротства и последующего разгрома мебельного комбината. Уже и ОМОН был проплачен, чтобы обеспечить быстрый успех операции по незаконному присвоению чужой собственности. Точное время операции держалось втайне. Я приехал на завод, как оказалось, за несколько часов до начала захвата, собрал заводских работяг, они и знать ничего не знали, разложил им всю ситуацию. Говорю: «Продержитесь, как можно дольше, хотя бы до утра, стены и ворота у вас надёжные, ребята вы крепкие, отбивайтесь, чем придётся, это же ваш завод, вы законные его хозяева! ОМОН без приказа штурмовать здание не будет, его задача – сопроводить этих аферюг до кабинета начальника, весь расчёт на внезапность. На вас полезет нанятая за деньги шпана и прочая наркота, не бойтесь их, как не боялись фашистов ваши деды и прадеды на Курской Дуге! Я сделаю так, что сюда приедут от разных газет и телеканалов, поднимем шум, вас поддержат. Главное – продержитесь!» Шансы на то, чтобы отстоять заводик во всех инстанциях были невелики, но если народ упрётся и не отступит, то система будет вынуж-

дена считаться с этим. На следующий день узнаю, что заводские сами открыли ворота, запустили внутрь этих тварей, чтобы, так сказать, мирно во всём разобраться, что и требовалось этим захватчикам, которые изъяли все документы, печати, и объявили себя «новыми хозяевами предприятия», подсунув им липовую бумажку о судебном решении. И заводские дрогнули и прогнулись. Рассчитывали на то, что, глядишь, можно будет и с новым руководством сработаться, всё равно правды нету, ещё и побьют, и по судам затаскают, у них же с властями смычка, ведь с ОМОНОм приехали! Через неделю набрали на завод дешёвых азиатов-гастарбайтеров, а всех заводских уволили. Но и это ещё не произвело из меня Бульдозера.

– Когда-нибудь количество неизменно переходит в качество, – заметил Иисус.

– Не вижу смысла перечислять подобные случаи с одним и тем же финалом, расскажу, что стало последней каплей, – Бульдозер снова закурил, не забыв включить кондиционер. – Вкратце, всё было так. По теме ювенальная юстиция. Сначала изъяли двоих малышей у здешней матери-одиночки: работала уборщицей в нескольких местах; дети – с бабкой-инвалидом; жили бедно, но вполне опрятно. Следующих детей отняли уже у полноценной семьи: муж работал кем-то на станции; жена, астматик, сидела с детьми школьного возраста; жильё в аварийном доме. Потом дошла очередь до многодетной семьи: забрали четверых из шести; мужик, отец, на двух работах электриком; она – медсестрой – через сутки двое; вся квартира – пара комнатусек. Семьи раздирали с мясом при помощи росгвардии. Все семьи – русские. Я был в каждой из них, убеждал: «Это же ваши дети, не чьи-нибудь! Что вы ноете, сопли жуёте, идите туда, зубами их рвите, чтобы вернуть детей, пока их не отдали неизвестно кому! Идите, я открою для вас все двери! У меня же есть повод вмешаться: поступило сообщение о причинении вреда здоровью ребёнка, так? Так! Но и вы должны действовать! И обязательно приходите все вместе – с родными, с друзьями, с соседями, и эти гады отступят!». Соседям, кстати, тоже говорил, что завтра могут и к ним придти, повод найдётся, разве не видно, что лезут именно к русским, к другим не рискуют, даже цыган не трогают. Орал, призывал, полыхал перед ними, как мог. И что? Все молчат. Один только и дёрнулся идти, бывший зэк, дёрнулся, да не пошёл: жена на шее повисла – «опять посадят тебя, я больше не вынесу!» Пришёл я домой, угоревший от этого бреда, все мозги, вся душа в дыму, не могу вместить, как это у родителей отнимают родных детей, которых они, скорее всего уже никогда не увидят, всё равно, что убивают, а они – ничего! Да если бы кто на моего посягнул, всех бы изрешетил в кашу!..

(У него был сын двенадцати лет, единственный его ребёнок, доставшийся матери после развода).

Это и было той каплей, окончательно смывшей с меня остатки наивных иллюзий. И я прозрел! – сказал Бульдозер, проведя по лицу ладонью. – Я увидел, что этот народ в данном историческом контексте ни на что не пригоден, его надо давить, и давить безжалостно, всмятку, может, хоть что-то поймёт тогда, а защищать его – то же самое, что воду в решете таскать! В ту убитую пьяную ночь я повалился на постель кулём соломенным, а проснулся стальным бульдозером! Я решил воспользоваться системой, я включился в ней на всю катушку, предельно используя свои служебные преимущества, свой просчитанный риск и натиск; подчинял себе всех, кого мог подчинить, отжимал любой выгодный бизнес, принуждал давать взятки, не щадил никого – бедный, не бедный, имущий, не имущий, богатый или не очень. В общем, давил, как мог...

– Ты сделался частью зла, как сказано в псалме Давида: «Неужели не вразумятся все, делающие беззаконие, поедающие народ мой, как едят хлеб, и не призывающие Господа», – произнёс Иисус.

– Здорово сказано, «едят, как хлеб». Просто супер! Ну, да, и я тоже ел, и не поперхнулся даже. Я сделал выбор, а было одно из двух: либо к тем, кто едят, либо к тем, кого ели, вот я и ел его этот хлебушек такой податливый, хоть и пресный. Встрянет ли он когда-нибудь поперёк горла тем, кто жрёт его день и ночь? А если всё же настанет тот час расплаты, и поволокут меня

к месту казни, я встретил бы его без тени страха, и перед тем, как погаснет свет, я успел бы выкрикнуть: наконец-то!.. – Бульдозер действительно едва не крикнул, но вовремя взял себя в руки. – Когда мне возражают и напоминают про оппозицию с демократическим лицом, про их протестные акции за свободу и справедливость для всех без разбору, и за всё прекрасное, я отвечаю: ваша оппозиция не народ, это мякина. Я, хоть, и не крестьянин, но знаю, что есть хлеб, зерно, и есть, мякина – всякая летучая пыль и ошмётки, остатки от молотьбы колосьев, не съедобный продукт. Так вот я имею в виду не мякину, а хлеб, то есть, народ, который, теоретически, способен когда-нибудь переполниться своим бездонным терпением. Я же почти разуверился в этом! я бросал в этот людской колодец камень за камнем, но оттуда не доносились ни единого звука! Но однажды настал этот день, и меня разорвали слова: «Я пришёл спасти русскую душу»!..

Бульдозер поднял глаза к Иисусу.

– Ну, и как ты собираешься спасти эту русскую душу?

– Судя по тому, что я услышал от людей у Ильинского храма, можешь считать, что камни в колодец ты бросал не напрасно. Душа народная жаждет правды, иначе она погибнет, она ищет её на земле и не находит, потому что та правда, которую она так жаждет, исходит с Неба. Ещё в очень давние библейские времена человек говорил человеку: «жив Господь, и жива душа твоя!» Когда снова вспомнят об этом, Бог омоет русские души, даже самые чёрные, смрадные.

– Но ведь есть Церковь, она тоже учит жить правдой Божьей, я же бывал на службах, а каков итог? Итог нулевой. Получается, в стенах храма правда есть, а за стенами, как не было её, так и нет. То есть, люди десятками лет стоят на службе, учатся правде, а потом идут в мир и ничегошеньки не меняется. Хотя почему не меняется, очень даже меняется в худшую сторону. Это как, по-твоему?

– У верующих отняли меч, но сказано: «продай одежду свою и купи меч». Меч – это слово Истины и действие Божьей правды. Вместо меча навесили на шею ярмо безвольной покорности и послушания без рассуждения. Люди ходят в храм, как в баню: помылись, и по домам – с лёгким паром! Это в лучшем случае. Русская душа это целомудрие, великодушие, нестяжательность, необоримое стояние в Божьей правде, спасающей мир, потому что «не в силе Бог, а в правде!» – это сказано русскими и больше никем. Мир ищет света русской души. «И зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме».

Бульдозер поднялся с места:

– Разговор окончен. Ты принимаешь моё предложение пожить здесь, по-крайней мере, столько, сколько считаешь нужным?

– Принимаю, – Иисус также поднялся с места. – Но при условии свободного выхода за ворота.

– Как хочешь. Я предупрежу охрану Через пару часов приглашаю на ужин, сегодня жареные караси под сметаной, свои, озёрные. Очень рекомендую.

– Мне лучше побыть одному.

– Воля твоя, – пожал плечами Бульдозер.

Вечер пришёл сырой, туманный. С озера тянуло горечью краснотала, свежей рыбой, прелым деревом, дымом, дёгтем... Озеро словно растворилось в воздухе, казалось, оно было повсюду, со всех сторон, то отступая, то приближаясь сквозь мигающие огоньки, сквозь волнующую прохладу, сквозь чей-то невнятный рассеянный разговор...

Угловое окно спальни хозяина дома на втором этаже, задёрнутое портьерой, слабо светилось снаружи оранжевым прямоугольником. Полковник Тарутин лежал ничком на кровати с зажатым в правой руке пистолетом.

Взлаяли и завыли собаки откуда-то с городской окраины.

Он перевернулся на спину.

– Продай одежду и купи оружие... – голос был странный, почти чужой. – Вот так, значит, – он только теперь приоткрыл глаза. – Одежда это имущество, имение, насколько я понимаю, а оружие, то есть, меч, это, как выяснилось, дело правды. Правды.

* * *

Утром Иисуса не обнаружилось.

– Роман Игоревич, вы же сами приказали, – оправдывался охранник.

– Да я ничего. Когда ушёл?

– Ещё не рассвело, я только сменился.

– Я так и думал.

* * *

Спорткомплекс «Звёздный» сиял в ночи праздничным фасадом в гирляндах огней, разбросавших своё разноцветье по зеркальным капотам и крышам престижных автомобилей, припаркованных в несколько рядов на отдельной ограждённой стоянке.

Начинался первый период матча областной Неофициальной Хоккейной Лиги (НХЛ!), организованной по личному хотению губернатора Калужской области, специально для катания с шайбой в свободное от работы время, но в форме турнира. Игры проводились раз в месяц, с ноября по май, между четырьмя областными командами, набранными большей частью из областной элиты: управленческой, торгово-финансовой и театрально-эстрадной. Народу дозволялось совершенно без всякой платы присутствовать на трибунах и аплодировать, но главное, быть свидетелями блестящих побед губернаторской ледовой дружины, собранной на треть из чиновников областного ранга, банкиров и крупных торговцев, способных скольконибудь устойчиво скользить на коньках и двигать клюшкой, но на две трети усиленной некогда известными спортсменами, среди которых имелись бывшие члены сборной по хоккею, а также призёры внутрисююзных чемпионатов. В общем, подобрали команду непобедимых, но не столько из-за состава, сколько из-за того человека, который выводил её на лёд в капитанской повязке, а таковым человеком на всю калужскую область мог быть единственно её губернатор: ну кто возьмётся обыгрывать губернатора? Он же придумал названия каждой команде (по всей вероятности спорткомплекс «Звёздный» и дал направление его фантазии), не без игривого остроумия. Так, например, команда, составленная в основном из силовиков: полицейских и военных чинов, с добавлением уже не очень известных прежде спортсменов, называлась «Стрельцы»; команда из банкиров и мультимиллионеров, также имевшей в составе нескольких заслуженных ветеранов спорта, выходила в жёлто-оранжевой форме с говорящим названием «Тельцы»; команда же кое-как надёрганная из местных театрально-эстрадных звёзд, и более-менее лояльных блогеров, разбавленная совсем уж малоизвестными в прошлом представителями игровых видов спорта, нарекли весёлым названием «Водолеи». Но если названия: «Стрельцы», «Тельцы», «Водолеи» были достаточно объяснимы, то выбор названия команды – «Скорпионы», где был капитаном (и одновременно тренером), сам губернатор, игравший вместе с областными чиновниками высокого уровня и с людьми, ворочавшими миллиардами, можно было объяснить либо озорной самоиндификацией, либо не шуточным для кого-то намёком, либо и тем и другим, в стиле Виталия Самуиловича Самосада (или, по-народному, «Самсамыча»), продолжавшего губернаторствовать на втором сроке подряд. Ну, а сама идея хоккейного турнира «среди своих», помимо прямого заимствования от президентской «Ночной Хоккейной Лиги» (тоже НХЛ!), была воплощением, казалось, несбыточных детских грёз Самсамыча, в которых он выступал за советскую сборную и забивал победные шайбы...

Теперь, уже статным и седовласым, он выходил на лёд в настоящей хоккейной форме и амуниции, бил клюшкой по шайбе, и она попадала в ворота, – благо, заслуженные ветераны хоккея умело организовывали ему такую возможность: одни из них, начинали атаку, другие, из команды соперников, как бы по нерасторопности, разъезжались перед ним в разные стороны, и кто-нибудь из своих именитых партнёров точнёхонько выкладывал шайбу ему на крюк, выводя его один на один с вратарём (в прошлом, признанным мастером своего вратарского дела), который зачастую не знал, куда ему девать свои руки-ноги, чтобы невзначай не помешать губернаторской шайбе влететь в ворота.

В ложе для почётных гостей сгорал от нетерпения любимый внучок Самсамыча восьмилетний Марик. В компании со своими двумя приятелями одноклассниками, он следил за каждым его перемещением по хоккейной площадке в предвкушении обещанных ему сегодня восьми заброшенных дедом шайб. Здесь же в ложе находились приглашённые Самсамычем VIP-персоны: зам министра спорта Российской Федерации, губернатор соседней области, и знаменитый кинорежиссёр.

Капитан «Скорпионов» под девяносто девятым номером, сделав ногами несколько толкательных движений, вкатился в зону соперника. Опираясь на клюшку, он скользил прямым на «пятак» перед воротами команды «Стрельцов», – сейчас он получит удобный пас, и ему останется только послать шайбу в сетку, к тому же, голкипер уже освободил для этого правый угол ворот. Вот шайба послушно притекла ему на клюшку, – настал момент ударить её, как следует, – и Самсамыч со всего размаха ударил, но кто-то ловко подбил его клюшку, забрал шайбу, и выбросил её из зоны. Самсамыч, не удержавшись, рухнул на лёд, и, не встречая препятствий на своём пути, вполз головой в сетку ворот...

Это было посильнее разрыва бомбы.

Гробовая тишина воцарилась над полем, на трибунах всё замерло: «Кто это сделал? Кто он?!» – повисло в воздухе. Судьи бережно извлекали из сетки, и помогали встать на ноги опозоренному Самсамычу. Четверо скорпионовцев обступили игрока команды «Стрельцов» под номером «45», в котором наиболее осведомлённая часть публики узнала начальника Глебовского РОВД полковника Тарутин.

– Ты охренел, что ли?! Совсем берега попутал?! – наезжал на него бывший прославленный нападающий сборной СССР.

– Ты зачем?! Ты что, вообще...?! – взвился петушиным тенором глава департамента по туризму и спорту.

Полковник Тарутин взглянул на его глаза, выпученные от ужаса.

– Смотри не лопни, холуй, – ответил, как обухом...

– Ты кто такой?!.. Ты чё делаешь?!.. – галдело и верещало вокруг него.

– Я играю в хоккей! – рявкнул Тарутин. – А вы? Во что вы здесь играете?!.. Я правил не нарушал! Или у вас другие правила?!..

Его слова отлетали, будто от наковальни, и влетали в уши трибун.

Губернатора подвозили к скамейке запасных; он всё пытался поправить шлем, и ронял клюшку из рук.

Любимый внук его Марик рыдал на всю ложу, и лупил кулачком по бархату поручня...

«Игрок команды «Стрельцы» Тарутин, номер сорок пятый, удаляется за неспортивное поведение до конца матча» – объявил информатор.

Часть трибун зазвенела от свиста, протестуя ещё и криком, и топотом...

Полковник Тарутин, неспеша, поехал к выходу с хоккейной площадки, сопровождаемый дружной овацией публики. Он помахал рукой.

– Дешёвый популист! – сплюнул вратарь «Скорпионов».

Тарутин развернулся, и подъехал к нему вплотную.

– Я не дешёвый и не популист. Скоро ты убедишься в этом.

Кто-то выкликнул: «Нам такой хоккей не нужен!» и несколько голосов весело подхватили известный клич:

– Нам такой хоккей не нужен! Нам такой хоккей не нужен!..

Вслед за покинувшим поле полковником, начали покидать трибуну и зрители. Но другая часть на трибунах осталась на продолжение спектакля. Однако, продолжения не получилось.

Самсамыч, ободравший щёку об лёд при падении, отказался от своего дальнейшего участия в матче, и никто не рискнул его уговаривать.

– Можете играть без меня!.. – и разразился матерной тирадой.

Спустя минуту, тем же голосом информатора было извещено о прекращении хоккейного матча по техническим причинам...

Это был не просто скандал, это был скандалиссимус.

* * *

Разумеется, областные газеты и телеканалы не упомянули ни словом о подробностях, лишь коротко сообщалось о «имевшем место неприятном инциденте, из-за которого была сорвана хоккейная встреча команд Неофициальной Хоккейной Лиги, но этим лишь всколыхнули болото общественной жизни, ещё недавно пребывавшей в полусонной обыденности. Круговорот из сплетен и слухов, разрастался подобно снежной воющей вьюге в притихшей было степи... Обсуждали и толковали по кабинетам и ресторанам, по кухням и забегаловкам, – о немыслимой наглости... о нетрезвой дурости... о сознательной провокации полковника Тарутина, но не могли понять самой причины выходки.

Довольно скоро мнения тех, кто был в теме, разделились на два противоположных лагеря. Первые считали, что это был своего рода вызов со стороны нескольких влиятельных чинов из силовых структур, недовольных своей долей в строительном и торгово-развлекательном бизнесе, где самые жирные куски пирога достались узкому кругу родственников жены губернатора. Вторые же считали, что за этим поступком полковника кроется определённый сигнал из Кремля: как бы в отместку, – чтобы не повадно было на губернаторском уровне разделять с президентом его хоккейную славу, но возможно и как признак раздражения неумеренным своеволием губернатора Калужской области, к тому же позволявшего себе далеко нескромные излишества в личном обогащении... Ну, не мог же какой-то полковник, к тому же, и сам с упитанным рыльцем в пуху, со своей пугающей репутацией, учудить такое с губернатором исключительно по собственной инициативе, тем более, смешно говорить о каких-то порывах из высоких принципов, или, так сказать, честных правил. Народ же склонялся не без злорадства к варианту кремлёвской мести, и как обычно ждал вдохновляющих перемен. Общественное мнение готово было разгадать мотивы полковника, и даже принять его сторону.

И не случайно.

Поводом к этому послужило выступление президента Российской Федерации Анатолия Анатольевича Холдина. Всего через пару дней после скандала в спорткомплексе «Звёздный», за кремлёвскими стенами состоялось очередное заседание Общественного Совета при президенте эРэФ, на котором первое лицо государства, кстати, весьма нахмуренное, высказало, кроме всякого прочего, следующее неудовольствие: «... очень важно учитывать общественные настроения, прислушиваться к пожеланиям и к справедливой критике в адрес региональных властей; нередко позволяющих себе принимать решения из соображений личной выгоды или очевидного кумовства, что, к сожалению, наблюдается, увы, у некоторых представителей губернаторского корпуса, имеется в виду те, кто идёт вразрез с ожиданием в обществе позитивных сдвигов. Очень важно не зарываться, не тянуть на себя одеяло, не использовать свои полномочия в качестве инструмента обогащения; не пренебрегать интересами других людей, не совершать, прямо скажем, глупых ошибок, чтобы не выглядеть потом посмешищем в глазах

населения». Президент Холдин отложил листочек с прочитанным текстом, и с жёстким прищуром взглянул с плазменного экрана телевизора на сидящего перед ним Виталия Самуиловича.

– Ты лучше на себя посмотри, – глухо проронил губернатор, и нажал пальцем на пульт, погасив изображение на экране.

Он повернулся на кресле к своему рабочему губернаторскому столу, к его широкой умиротворяющей поверхности, удостоенной, ближе к краю, малахитовой фигуры медведя с бронзовой рыбой в зубах, и, столь же бронзовой настольной лампы на малахитовой же подставке – подарочный гарнитур от администрации президента на день его вступления в должность руководителя области.

Посмотрел на электронные часы на противоположной стене: наступало время обеденного перерыва.

– Ну, ладно, суки... – сказал почти примирительно.

Как было не возобладать после этого мнению тех, кто подозревал в конфликте на льду «руку Кремля», и считал происшедшее с губернатором «нехорошим звоночком» относительно продолжения политической карьеры Самсамыча.

Всё это не имело под собой никаких оснований (потом выяснится, что Холдин говорил вовсе не в адрес Калужского губернатора), но так уж сложилось или совпало, как это бывает, но почему и зачем – всему своё время.

Предпринятые губернатором шаги в ответ на мнимую угрозу не замедлили сказаться в течение нескольких дней после президентского выступления. В первую очередь, состоялся тяжёлый, но, в конечном счёте, результативный разговор с женой по поводу немедленного перераспределения долей в строительном и торгово-развлекательном секторе. Пришлось пойти на конспиративное прикрытие некоторых долей бизнеса и собственности, – так одна из двух загородных резиденций, а, попутно, и недвижимость в Испании и отель на Мальдивах, плюс океанская яхта были переоформлены на преданных, то есть, надёжно зависимых от губернаторского клана лиц. Кроме того, в качестве подстраховки, но тоже неотложной меры, вышло личное указание губернатора о полном расформировании и закрытии областной Неофициальной Хоккейной Лиги.

Как следствие, не возникало и речи о каких-то ответных действиях в отношении самого виновника скандала, полковника полиции Тарутина, наоборот, всё обернулось для него наилучшим образом: его стали избегать и заискивающе опасаться гораздо более прежнего, предполагая в нём чуть ли не кремлёвского спец агента, облечённого особыми правами из центра, что, конечно же, было чистой фантазией.

Между тем, ничто не отменяло привычного копошения человеческой жизни в её земной повседневности, прерываемой разве что скоротечными житейскими радостями, вроде свадеб, отпусков и, разумеется, дней рождения.

Отмечание дня рождения (или «днюхи» в современной интерпретации) – этот давно устоявшийся городской обычай, возведённый в статус почти святого дела, по крайней мере, в России, не миновал и Алексея Митрофановича Ивашука, и был соответствующим образом отпразднован вечером двадцать седьмого ноября в его просторной двухуровневой квартире на пересечении Рождественского и Октябрьского проспектов.

Г-образный стол в зале уже гудел, уже работал вовсю ножами и вилками в гуще плотно расставленного кулинарного изобилия...

– Алексей Митрофанович, если можно, я бы хотел сказать вам несколько слов... – с рюмкой в руке поднялся высокий белоусый старик, Василий Семёнович Струков, дальний родственник семьи виновника торжества, заведовавший страусиной фермой в одном из частных владений Ивашуков.

– Внимание, тост! – весело и звонко призвала к собравшимся Виктория Петровна, хозяйка дома, пылавшая сорокалетней молодостью и женским счастьем.

Алексей Митрофанович, отмечавший в тот день своё пятидесяти шестилетие, оторвался от разговора с соседом справа, и улыбнулся старику, стоявшему в конце стола.

– Ну, конечно, можно, Семёныч, – позволил он.

Василий Семёнович говорил с большим чувством:

– Дорогой наш Алексей Митрофанович, я бы хотел сказать от всей души, без каких-то там подхалимств и прочего, а сказать, как оно есть, сказать, кто такой для меня, Алексей Митрофанович, и кем я почитаю вас для себя лично. Два года назад, я пришёл к вам, как говорится, нищий и босый, не было даже носков, а был я в одних худых башмаках, не говоря об остальном... Но вы, Алексей Митрофанович, вы меня не прогнали, не выставили за дверь, хоть я и не ждал особо, а думал, уж как оно будет, так будет... Но вы меня не прогнали, вы тогда отвезли меня в деревню, и сказали, вот, живи здесь в доме, вот дрова, вот печка, хозяйствуй... и вы мне дали работу, и вот прошло два года, я одет, обут, ферма приносит доход, даже хороший доход... и дали вы мне ещё трёх ребят помощников, они такие же были, как я, никому не нужные, прямо сказать, пропащие люди, и, если б не вы... – старик промокнул глаза рукавом, – если б вы тогда меня не спасли, если б не протянули руку... – он уже не мог говорить...

Сидящие перестали жевать и тихо вздыхали. Алексей Митрофанович сидел с застывшей улыбкой.

– За твоего благодетеля, Семёныч! – выручила Виктория Петровна, и все разом и радостно подхватили и зашумели...

– За Алексея Митрофановича!.. За его человеческую доброту!.. За его душевную щедрость!.. – взлетало со всех сторон.

Гости встали с рюмками и бокалами, тянулись к порозовевшему Иващуку, – он чокался наполненной рюмкой со всеми желающими.

Застолье снова вошло в свой рабочий ритм, снова полу-трезвые разговоры и отзывчивый смех заглушали перестук столовых приборов; в проёмах, между тяжёлыми шторами, светилась и мигала огнями панорама вечернего города...

Слева от Алексея Митрофановича поднялся коренастый, с лёгкой залысиной мужчина, в расстёгнутом пиджаке: Марат Вагизович Фахрутдинов, владелец известного в области авто-сервиса и нескольких помельче.

– Попрошу тишины! – прозвучал его зычный голос.

Стол дисциплинированно притих, – ещё было не так много выпито.

Марат Вагизович приложил свободную руку к груди, как бы помогая себе сказать что-то важное.

– Алексей... можно я обращусь к тебе просто Лёша, как это было между нами, хорошо?

– Ну, что ты, Марат, ты же для меня, как брат, – ответил ему с улыбкой Алексей Митрофанович.

– Дорогой мой Лёша, ты понимаешь, я не могу не сказать об этом, и пусть те, кто ещё не знает, пусть услышат... Есть в моей и твоей жизни один эпизод, и он не только есть, но он навсегда останется в нас, и пока я дышу, я буду его вспоминать, буду возвращаться туда в тот день... Мы тогда попали в засаду под Кандагаром в Афгане, духи обстреляли нас почти в упор, нам пришлось отходить другим путём, чтобы попасть обратно в свой полк, и надо было успеть к своим до темна, потому что в темноте мы можем потерять друг друга, и они нас захватят в плен, а в горах темнеет так быстро, что не заметишь, как уже ночь везде...

Все смотрели на человека в расстёгнутом пиджаке.

Он говорил полуприкрыв глаза:

– Когда ты крикнул: «Отходим!» я вскочил и стал отбегать с ребятами, и тут нас накрыло гранатой, и я не помню, как упал и куда, ничего!.. Лёша нёс меня на себе целые сутки; ночью мы лежали под камнем, и слышали духов, как они говорят и смеются, и уходят, и уже их не слышно... Я терял сознание, всё горит от боли, ноги, грудь... Я помню, я лежу на земле с опу-

щенной головой, открываю глаза, гляжу на ноги, и вижу там звёзды, много очень ярких звёзд, я так испугался – смотрю вниз и вижу звёзды!.. Это Лёша стащил меня к ручью, и что-то мне под голову подложил, а ноги остались вверху!.. Лёша, ты помнишь, как мы спускались с перевала?! Мы спускались целую жизнь! Мы видели наш гарнизон, кажется, совсем уже близко, ещё чуть-чуть и мы у своих. И Лёша падает, он не может идти, он начинает ползти, и он ползёт и тащит меня на себе, но я только лежу на его спине и плачу, потому что не могу никак ему помочь... И Лёша прополз эти сто или двести метров, и нас увидели и побежали к нам... Я хочу выпить за этого человека, за этого героя, за моего Лёшу! Дорогой, живи ещё долго-долго и счастливо!..

Алексей Митрофанович встал, они обнялись в крепком поцелуе под шумные восторги гостей, тоже вставших с мест, воздавая должное бывшему афганцу, – кто в изумлении, кто в слезах от всего услышанного про именинника, которого многие знали лишь по его служебной должности, как главу администрации областного центра, то есть, города Калуги.

– А известно ли о подвиге нашего дорогого мэра губернатору?! Об этом должны узнать все! Надо подключить нашу прессу и телевидение!.. – восклицал, размахивая рюмкой, председатель областного законодательного собрания, Сергей Сергеевич Неклюев. – Я берусь раскрыть героический факт по полной программе, завтра даю команду!

На этот спич моментально откликнулась Виктория Петровна:

– Губернатор уже лично поздравил сегодня утром. Что касается данного эпизода из афганской войны, то Алексей Митрофанович не считает нужным трубить об этом на каждом углу, как говорится, кто знает, тот знает, этого достаточно...

– За нашего замечательного, скромного, и всеми любимого мэра, Алексея Митрофановича! – провозгласил Неклюев. – Да здравствует афганское братство!..

И в этот торжественный миг позвонили: раздалась мелодичная трель дверного звонка.

– Кто же это так припозднился? – сверкнула насмешливым взглядом хозяйка дома. – Наверное, какой-то сюрприз!

– Но лучше бы без сюрпризов, – пошутил Алексей Митрофанович. – Варя, пойдешь, открой, дочка, – сказал своей старшей дочери.

Варя ушла, но что-то медлила возвращаться. Стол привычно гудел, не упуская из виду ситуацию со звонком, – поглядывали на арочный проём между залой и коридором.

– Я схожу, посмотрю, что там, – вызвалась, было Виктория Петровна.

Но в арке уже показалась Варя, она подошла к отцу и сказала ему о чём-то на ухо. Он промокнул рот салфеткой, встал, и, как бы нехотя, вышел из залы.

– Кто там, Варенька? – спросила мать.

– Точно не знаю, какой-то мужчина с мохнатой шапкой, сказал, что ему очень нужен папа на пару слов. Я уговаривала его пройти к столу, но он просил, чтобы папа переговорил с ним наедине. Мне кажется, где-то я его видела.

Виктория Петровна задумалась.

Мужчиной с мохнатой шапкой в руках оказался полковник Тарутин.

Ивашук, увидев его, изобразил благодушие.

– Ну, здравствуйте. Вот уж не ожидал... Что-то серьёзное?

– Да, милый. По-крайней мере, для тех, кому ты обязан всем, что имеешь.

– Ты не мог выбрать другое время?

– Дело в несколько слов. Завтра, в крайнем случае, послезавтра, ты вручишь ключи от новой квартиры ветерану Великой Отечественной войны Ивану Игнатьевичу Кашеварову и его супруге, Антонине Ивановне, блокаднице и ветерану труда. Да-да, от той самой квартиры, которая полагалась им по закону, и которую ты, сукин кот, украл у них, и отдал её сынку твоего поделника Неклюева...

– Погоди, послушай...

– Вручишь ключи и поклонись до земли гвардию сержанту Кашеварову, участнику Сталинградской битвы, и тяжело раненому при освобождении города Таганрога, где родились потом твой отец и мать. А могли не родиться!

– Я не могу! Это невозможно! Они уже там свадьбу сыграли! Я не смогу! Никак!..

– Сможешь. Они сейчас в свадебном путешествии, в Венеции, кажется? Квартира ещё не обставлена, так что не составит труда.

– Я дам другую квартиру, я клянусь! Где-нибудь через полгода представится возможность, я сам лично вручу ему ключи, всё будет торжественно, подарки и все дела...

– Ты кого возомнил из себя – я дам, я не дам? Это Россия ему даёт, а ты её маленький гвоздик, который сегодня есть, а завтра другой забьют. Понадёжней.

– Не могу, хоть убей! Так не делается!..

– Или ты вручаешь ему ключи за эти два дня, или тебя с позором вышибут с должности, и не куда-нибудь, а на скамью подсудимых. Неужели ты думаешь, что эта квартира – всё, что у нас имеется на тебя? Нет, милый, всплывут, а то, что всплывут можешь не сомневаться, и свидетельства об откатах, и о хищениях бюджетных средств, и ещё кое-что похуже. Выбирай сам.

– Ну, ты пойми, ну, как я скажу об этом Неклюеву, он же родственник жены губернатора!

– Сумел своровать, сумеешь и сказать. И, кстати, передай своему Неклюеву, чтобы писал заявление об отставке, и чем быстрее, тем лучше, на него огромная туча неприятностей напалзает, именно огромная... Тебе нет смысла лебезить перед ним.

– Если ты мстишь мне за те слова на хоккее, то прости меня, я тогда не понял, сглупил, я думал, ты просто выделывался перед всеми, я же не знал, что за этим стоит! Я на колени встану, только прости, пощади!..

– Ты мне сказал, что я «дешёвый популист», а я сказал, что «не дешёвый и не популист», ты понял, что это значит?! Ты понял, что дело не во мне, не в моих обидах?!

– Я умоляю тебя! по-человечески, по-христиански! Помилуй, прости!..

– Будь, хоть сейчас мужиком, ты же вроде как воевал когда-то. Два дня тебе, понял? Или приговор.

– Добро, – неожиданно твёрдо сказал Иващук. – Я всё понял.

– Всё, говоришь? Ну, тогда тебе привет...

– От кого?

– От Того, Кто стоит за этим... – сказал Тарутин, взмахнул рукой в крестном знаменнии, и вышел вон.

Виктория Петровна осторожно заглянула из коридора в переднюю.

– Алёша... что-то случилось?

– Думаю, да. Если я действительно понял.

Через два дня, тридцатого ноября, в субботу, ветеран Великой Отечественной войны, Иван Игнатьевич Кашеваров был приглашён с супругой в администрацию города Калуги, где им, в подобающей событию обстановке, были вручены ключи от новой квартиры. Короткий сюжет об этом показали в новостном вечернем выпуске по местному телевидению. В том же вечернем выпуске сообщалось о том, что председатель областного законодательного собрания, Сергей Сергеевич Неклюев, освобождён от занимаемой должности по состоянию здоровья. Обе новости не произвели особого впечатления на непосвящённых, а немногие из посвящённых лишь тихо присвистнули, что не помешало и тем и другим увязать всё это с основным официальным событием, которое уже набирало обороты в информационном пространстве страны – президентской избирательной кампанией.

* * *

Губернатор Калужской области, Виталий Самуилович Самосад, заметно подрастерял присущую ему повелительную уверенность, совсем недавно сквозившую в каждом слове, в каждом его взгляде и жесте, и вот теперь её сменила нервная настороженность, заставляя прислушиваться даже к болтовне своих приближённых, не говоря уже о внутривластных новостях по центральному телевидению. Позорный эксцесс на хоккейном матче, ядовитые намёки Холдина, из ряда вон возмутительный поступок мэра, которого всегда считал своим человеком, – его гадость с подаренной квартирой, скоропалительная отставка Неклюева, всё это не могло не вызвать оторопи и, отчасти, панических настроений. Но самое ужасное было в полной непредсказуемости: ни Ивашук, ни родственник жены Неклюев, никто из них не посоветовался, и даже не предупредил губернатора о своих намерениях. Неизвестно было от кого ещё ожидать подобных фортелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.